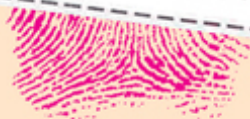

МАРИЯ
БРИКЕР

reality detective

Шарф
Айседоры

Мария Брикер Шарф Айседоры

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169549*

*Брикер М. Шарф Айседоры: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-30536-0*

Аннотация

Пластическому хирургу Сергею Шахову позвонила бывшая одноклассница с просьбой вернуть ей молодость. Сергей соглашается, но не все так просто: Ксюша – владелица косметического концерна по производству омолаживающих средств, и операцию надо сохранить в тайне, ведь худшей рекламы для ее фирмы не придумаешь! Ксения умоляет прооперировать ее вне клиники, но Шахов придумывает иной выход – найти двойника, который отвлечет конкурентов Сю. Сергей обращается к режиссеру Варламову, мастеру персональных реалити-шоу, и он соглашается помочь. Но тут находят убитой известную актрису – постоянную клиентку Шахова, – и сложный план оказывается под угрозой срыва...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 1. СЮ	8
ГЛАВА 2. ГЕНИЙ	27
ГЛАВА 3. ОНО	40
ГЛАВА 4. УРОКИ МАСТЕРСТВА	55
ГЛАВА 5. ПУСТЯЧНАЯ ССОРА	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Мария Брикер

Шарф Айседоры

От автора:

Настоящая история является вымыслом от начала до конца. Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение фамилий и имен героев.

У каждого человека три характера: тот, который ему приписывают; тот, который он сам себе приписывает; и, наконец, тот, который есть в действительности.

В. Гюго

ПРОЛОГ

Прежде чем сдавать свою квартиру незнакомцу, подумайте как следует. Может оказаться, что вместо оплаты за жилье вы получите не деньги, а свежий труп.

– Петь, они мертвая... – женский голос прозвучал в комнате глухо.

– Вижу, не слепой. – Петя щелкнул выключателем, и по спальне, словно разбавленные водой чернила, разлились сумерки.

Супруга отлетела от кровати к стене и вжалась в нее спиной.

– Господи! Что делать-то? – запричитала она. – Как теперь с оплатой за квартиру быть? Денег-то нет, все проели. На что Новый год справлять будем? Ленка из Мурманска обещалась приехать погостить. Тетя Вера, баба Нюра – подарки же покупать не на что! В милицию надо позвонить.

– Овца! Какая ты овца! Ты хочешь, чтобы нас за убийство повязали? – разъярился муж.

– Но мы же не убивали! Мы же приехали, а она – уже...

– Она уже, – передразнил супруг. – Кого это волнует? Хочешь Новый год в кутузке встретить? От тела надо избавиться срочно. Выкинем ее в окно. Снег валит, заметет к утру, найдут ее не скоро, – Петя подхватил тело под мышки, резко сдернул с кровати и потащил к окну. Ноги покойницы громко стукнулись об пол, окоченение уже началось. – Сумку ее возьми, в прихожей она висит. Овца тупая, какая же ты овца! И шмотки. Шмотки собери.

Супруга заметалась по спальне, бросилась в прихожую, долго там возилась, вернулась с сумкой и курткой.

– Красивые какие вещи. Дорогие.

– Кидай в окно. Кидай, пока никого нет.

– Жалко.

– Дубина! Дай сюда – я сам! – Петя вырвал из рук жены куртку и распахнул окно. В комнату влетели снежинки и морозный воздух, разбавив удушливый запах смерти. – Жалко

ей, бабье тупое. Только шмотки на уме.

Петя кинул вниз женскую куртку.

– А за квартиру она нам заплатит, как договаривались. – Супруг пошарил по сумке, вытряхнул все из нее на пол. – Черт! Кошелек нет, – он со злости швырнул сумку в угол спальни и пихнул покойницу ногой – раздался какой-то булькающий звук.

Супруга осела на пол. Петя снова подхватил тело под мышки, с ненавистью глядя на жену.

– Что уселась, дубина? – заорал он. – Бери ее за ноги. Мне одному не управиться.

– Петя, одумайся! Под окнами иногда собачники гуляют. Вдруг убитую быстро найдут? Соседи опознают и скажут, что она в нашей квартире жила. Что тогда?

Петя замер, бросил покойницу, захлопнул окно и устался на жену.

– Оказывается, ты иногда бываешь не такой уж и тупой. Звони ментам. – Супруга засияла от комплимента и бросилась к телефону. – Порыдай в трубку малость. Вроде как ты очень расстроена, – посоветовал он вдогонку и услышал из кухни душераздирающий вопль: супруга, театрально рыдая, орала как резаная, что обнаружила в своей квартире труп неизвестной женщины и понятия не имеет, как эта женщина в ее квартире оказалась.

«Умница», – подумал Петя, столкнулся с немигающим взглядом покойницы, раздраженно перевернул тело на жи-

Вот и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 1. СЮ

– Это ужасно, Шахов! Это конец! Я превращаюсь в старуху! Сделай что-нибудь, я тебя умоляю!

– Да не ори ты, Сю! – Сергей Шахов отодвинул трубку от уха и поморщился. У Сю – Ксюши Копыловой по паспорту – голосок всегда был басовитый, а сейчас, когда она говорила на повышенных тонах, тембр ее речи просто оглушал. Слава богу, находился он сейчас дома, а не на работе, иначе свидетелями их разговора стали бы все сотрудники клиники. Психопатка! Неврастеничка! Кретинка несчастная. Черт его дернул зарегистрироваться на сайте одной из социальных сетей. Черт его дернул зайти на страничку к бывшей возлюбленной. Черт его дернул написать ей личное сообщение и пригласить в ресторан! Черт! Черт! Черт! Говорят же, что прошлое должно оставаться в прошлом. Нельзя его трогать, рискуешь остаться без приятных воспоминаний, которые иной раз будоражат душу и греют своим теплом. Особенно весной, когда все вокруг оживает. Да и осенью, когда все вокруг затухает. И летом, в тени липовых аллей. Ну и, ясен перец, – зимними тягучими вечерами.

Сергей посмотрел на потрескивающие поленья в камине. Любил он посидеть в кресле перед огнем, расслабиться после напряженного рабочего дня, выкурить сигару и посмаковать обжигающий виски со льдом. Дом из кедра в Звениго-

роде Сергей отстроил не так давно, но уже успел прикипеть к нему душой. Теплое дерево дарило ощущение покоя и вечности, и казалось, что обитает он здесь всю жизнь. Правда, пока Сергей добился от архитекторов и строителей желаемого результата, нервных клеток он потерял порядочно. Но это того стоило – душа просто пела, песни Бабкиной голосом Кобзона, когда он переступал порог.

За витражными окнами блестела в свете фонарей припорошенная снегом дорожка, ведущая к беседке и барбекю. Новый год он, пожалуй, здесь отметит. К черту шумные компании, пафосные вечеринки в элитных клубах, модные курорты и прочий светский каламбур. Дома куда как приятнее, в спокойной обстановке. У него и елка в наличии имеется, чудесная елка, лохматая и взбалмошная, совсем как Сю...

Как же он мечтал о Сю! Всю жизнь мечтал, идиот. Даже заполучив в жены одну из самых ослепительных девушек Москвы, светскую львицу Сашку Мартынову, по которой сох весь столичный бомонд, он так и не смог ее забыть. Поразительно, не мог забыть эту клюшку! Увидел фото на сайте и снова поплыл. Даун. На фото Ксюша казалась такой же привлекательной, как и двести лет тому назад. Глаза сияют, кожа гладкая, аккуратный носик, греческий, без единого изъяна. Именно за подобным носом являлось к нему в клинику большинство клиенток. Правда, осчастливить удалось далеко не всех и не сразу. Страшно вспомнить, сколько ему пришлось практиковаться, прежде чем он добился такой иде-

альной формы, такой простой, совершенной красоты. А когда получилось, пациентка его озолотила, а потом долго пыталась снискать его расположение, вилась вокруг, но ответных чувств так и не дождалась. Пустое. Сережа Шахов был пластическим хирургом от бога, из глыбы необработанного «мрамора» легко высекал Венеру или Галатею, но своих богинь не воспевал, предпочитая в жизни петь оды восхищения натуральным женским прелестям. Не прельщала его и стандартная, эталонная красота. Насмотрелся он за годы работы на моделек, готовых платить любые деньги, чтобы стать такими же, как все.

Когда Шахов только начинал свою практику, он пытался некоторых девушек отговаривать от операций, но потом плюнул – надоело. Хочешь исправить прелестные лопоухие ушки, которые только добавляют привлекательности, – пожалуйста; грудь четвертого размера, чтобы затем иметь проблемы со спиной и прочие радости остеохондроза, – без проблем; греческий нос – получай. У Ксюши Крыловой греческий нос был с рождения, перешел к ней по наследству от армянки-бабушки.

Впервые этот восхитительный нос и саму Сю Сережа Шахов увидел 1 сентября на школьной линейке. Ксюша стояла в сторонке, небрежно покачивая букетом розовых георгинов, и с интересом поглядывала по сторонам. В кругу одноклассников возникло оживление, все поняли, что высокая девица с веником – новенькая, и принялись активно ее обсуж-

дать, острить и хихикать. Копылова осталась невозмутимой, усердно делая вид, что ничего не происходит, а Сергей почему-то смутился. Неловко ему вдруг стало за дебилов-одноклассников. Вымахали за лето, а ума не прибавилось. Но подойти к ней и как-то поддержать он не решился, довольно было того, что он мысленно осудил происходящее.

В коллектив новенькая, однако, влилась легко и быстро. Жизнерадостная, смешливая, отзывчивая, но не робкая и способная дать сдачи – она сразу понравилась одноклассникам. Мальчики воспринимали ее как рубаху-парня. Девочки не ревновали. Очень скоро она стала своей в доску. Позже выяснилось, что Ксюша перевелась из соседней физико-математической школы, потому что не тянула серьезную нагрузку. Трояки по спецпредметам расстраивали Сю ужасно, она постоянно пребывала в состоянии психоза, родители не выдержали и забрали документы. Правильно сделали, потому что в новой школе, где математикой учителя грузили ребят не слишком сильно, Сю в мгновение ока стала отличницей, и от ее психозов не осталось и следа.

Сереже Ксюша не просто нравилась, она превратила его сердце в вечный месяц май с грозовыми ливнями. На уроках он разглядывал ее совершенный профиль и млел, не в силах оторвать от нее взгляда. В остальном Копылова совершенством не отличалась и гордо носила прозвище – Кобылка Сю. Несмотря на восточную кровь, которая текла по венам Ксюши, телосложение девушка имела скорее скандинавское

— она была рослая, плечистая, с узкими бедрами и длинными ногами. Лишь смуглая кожа, темные глаза и копна тяжелых смоляных кудрей говорили о ее происхождении. Волосы Сю убирала в хвост, скрепляя их на макушке пластмассовой заколкой— ракушкой или лохматой резинкой. Из-за этого она казалась еще длиннее. Ноги, надо сказать, совсем не стройные, она, не стесняясь, демонстрировала окружающим, укорачивая подол школьной формы до минимальной длины, за что нередко получала нагоняй от директрисы. Грызла ногти, когда нервничала, и гоготала, как лошадь Пржевальского.

Все равно, по мнению Сергея, прозвище «кобылка» Сю не подходило. Ксюша была похожа скорее на большого неуклюжего кузнечика. Она вечно натыкалась на разные предметы, входила в закрытые двери, стучалась острыми локтями о парту и, потирая руку, орала на весь класс, что получила смертельный электрический разряд. Походка Ксюшина тоже не отличалась девичьей грациозностью, она шагала по жизни, сметая все на своем пути. Но Сю была так мила в своей неловкости, что Сережа Шахов воспринимал недостатки девушки, как достоинства. К сожалению, Сю на него особого внимания не обращала, а он не старался его привлечь, лишь милостиво разрешал ей списывать домашние задания и подсказывал во время ответов у доски. Сю списывала с удовольствием и умела читать ответы по его губам. В благодарность помогала Сергею во время контрольных и самостоятельных

по физике и математике. На взаимовыручке их отношения и строились. Глупо было рассчитывать на большее. Мало того, что Сережа Шахов был ниже Сю на две головы, так еще вырастил к пятнадцати годам на своем мелком лице большой курносый шиш, на котором активно гнездились веснушки в любое время года. Успехом у противоположного пола Сережа в школе не пользовался – его попросту не замечали. Он держался от всех в стороне, в школьных тусовках не участвовал, после уроков исчезал, во дворе не болтался. Некогда было, все дни были расписаны по часам – секции, кружки, подготовительные занятия в медицинский. Подобное положение вещей его не особенно расстраивало, плевать ему было на то, как к нему относятся в классе, не занимали его школьная жизнь и проблемы внутренних коммуникаций, как теперь модно говорить. Но когда в их классе появилась Сю, Шахов сильно пожалел, что в свое время не стал школьным авторитетом. Сергей страдал от неразделенной любви, но свои чувства тщательно скрывал. Получалось с трудом: когда Сю случайно ловила его взгляд, оказывалась рядом, задевала его рукой или, не дай бог, коленкой, Сережа заливался краской и сильно потел. Жуткое было время. Никаких тебе антиперспирантов и дезодорантов, шампуней от перхоти, бальзамов, гелей, отбеливающих зубных паст, пенки для умывания, кремов от прыщей – мыло хозяйственное, мыло детское, мыло взрослое, шампунь, тальк и зубная паста «Чебурашка». Вот и ходили по улицам сплошные Чебурашки,

вонючие, с перхотью, прыщами и желтыми зубами. Шахов не сомневался: бытующее в то время утверждение, что голову надо мыть раз в неделю, потому что чаще – вредно, придумали коммунисты специально, чтобы народ не возмущался по поводу тотального дефицита шампуней и моющих средств.

Шахов мучился от своего несовершенства. Перхоти у него не было, но, помимо большого носа и веснушек, которые портили ему «фасад», Сергею приходилось прятать под темно– рыжей девчачьей челкой россыпь мерзопакостных красных прыщиков и щедро поливать себя «Шипром», втихоря приватизируя одеколон у своего дедули – заслуженного врача– кардиохирурга. Дед скоростное исчезновение одеколona из хрустального пузырька с синей грушей быстро просек, но грешил на своего сына, отца Сережи, периодически устраивая ему допрос с пристрастием и требованием дыхнуть.

Родители Сергея тоже были врачами. Мама работала в районной поликлинике терапевтом, отец трудился хирургом в травмпункте при одной захудалой больничке. Мама вечно пропадала на работе, которую ненавидела, возвращалась домой уставшей и нервной, ругалась на вредных старух, доказывающих ее своим нытьем, на симулянтов, желающих получить больничный, на низкую зарплату и отекающие ноги. Отец работал сутки через двое, молчаливый и равнодушный ко всему, в свободное от работы время он тихо попивал и постепенно деградировал, поэтому претензии деда носили вполне закономерный характер.

Сергей отца ненавидел, а маму жалел, но, как бы ни сложилась судьба родителей, разговоры о медицине велись в доме постоянно, и при выборе профессии Шахову долго думать не пришлось. Ориентировался он на деда, всегда подтянутого, авторитетного, сильного, полного достоинства – ну просто образец для подражания. Сергей, недолго думая, решил пойти по его стопам и стать настоящим врачом, чтобы не рецепты и направления на рентген выписывать, а жизни спасать. Лишь спустя годы Сережа понял, почему спивался папа. Когда-то он тоже мечтал походить на своего отца, но таланта и знаний не хватило, чтобы добиться в медицине тех же успехов, и он попросту сломался. А мама была слишком слабой, чтобы как-то этому противостоять.

Светлым пятном в жизни Сергея была бабуля, самый близкий на земле человек. Ее любви хватало на всех: на измотанную невестку, непутевого сына, вечно отсутствующего мужа и на внука. Она была в семье солнцем – всегда полная оптимизма, излучающая веру в то, что все будет хорошо. Всю жизнь она посвятила кастрюлькам, очередям и заботам о семействе и была счастлива своей долей. Она улыбалась так, как была бы неспособна улыбнуться Джоконда. От нее шло магическое тепло. За сына она тяжело переживала, но старалась не показывать своей боли, поэтому и угасла рано. Страшно было ее потерять. Дед впал в глухую депрессию, начал делать ошибку за ошибкой, для хирурга это смерть, пришлось уйти на покой. Вскоре дед отправился вслед за

ней, он так и не смог пережить потерю. Отец вдруг решил, что он – глава семейства, принял на себя обязанности деда, но быстро устал и спился окончательно. До потери человеческого облика, до крайности, до безумия. Все случилось очень быстро. Благо, мама не успела настрадаться, наблюдая окончательную деградацию близкого человека. Белка, черти, психушка, апельсины в сеточке, куриный бульон в стеклянной банке, бессмысленный взгляд, тихое забытие и смерть на казенных накрахмаленных простынях. Удивительно, как жизнь целой семьи держится на одном человеке, как вращается вокруг него. И странно, что этого никто не понимает, пока стержень не ломается, и все рушится, как карточный домик. Сергей остался вдвоем с мамой, она все так же вела прием пациентов, все так же ругалась на надоедливых старух и симулянтов, все так же выписывала рецепты и ненавидела свою работу. Она стала очень мнительной, дерганой и теперь следила за каждым его шагом, волновалась, переживала. Это был ад. Сергей не привык, что мать контролирует каждый его шаг, и злился. Не надо было злиться, надо было понять. А потом она заболела, и – никакой надежды. Она хотела жить, она пыталась сопротивляться, но понимала, что сделать ничего невозможно. Сергей, как мог, постарался облегчить ее страдания. Жутко было столкнуться с системой и унизительно выклянчивать обезболивающее. Тухлое государство даже рецепты строгой отчетности зажимало, тухлому государству было плевать, что человеку больно. С тех пор Сергей нена-

видел государство, эту неповоротливую, бездушную машину. Он ненавидел медицину, хотя служил именно ей. Он стал циником. И до сих пор не понимал, как сам не сломался. Видно, бабуля стержень в него вложила железобетонный. В период душевной рези, когда от боли непроизвольно слезились глаза, он почему-то вспоминал не отца с мамой, не деда, а бабулечку.

Бабуля, милая, славная бабуля, она стала для Сережи идеалом женщины, хранительницы семейного очага. Может, поэтому у него с Сашкой и не сложилось? Жена оказалась страшной эгоисткой, с утра до вечера холила себя, любимую, требовала постоянных признаний в любви и подтверждений ее неотразимости, вела себя, как королева, подай-принеси. Заботиться о Сашке было приятно. Особенно первое время. Он легко нацепил на себя роль мужа и балдел от гордости, что каждую ночь обнимает богиню. Вскоре выяснилось, что богиня любит развешивать на спинках стульев свои лифчики и чулки, бреет ноги, выщипывает брови, ковыряет в носу и никогда не закрывает дверь в туалет, когда садится на унитаз. Впрочем, неважно, он готов был терпеть маленькие недостатки и дурные привычки, сам не ангел, но хотелось и взамен что-то получать, а Саша лишь брала и ничего не отдавала. Даже в постели она вела себя, как пластмассовая кукла, бесчувственная и холодная. У Шахова после года совместной жизни комплекс неполноценности развился из-за того, что он не может ее расшевелить. Оживала она лишь на

вечеринках и светских раутах, куда в обязательном порядке таскала и его. Зачем таскала? Сергей так и не понял. Как и не понял, почему она согласилась выйти за него замуж. Не расчета ради, точно. Денег у Сашки было достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать. Отец позаботился и обеспечил дочурку на всю оставшуюся жизнь. Любви тоже особой не было, а ради престижа можно было подыскать себе мужичка посолиднее, нефтяника какого—нибудь или банкира. Да и посимпатичнее. Скорее всего, Саша просто страдала в глубине души страшным комплексом Мэрилин Монро, поэтому и выбрала себе в мужа такого субъекта, как он, чтобы блистать на его невзрачном фоне. Поблистать ей удалось года три, больше Сергей не выдержал и подал на развод. Саша развод восприняла болезненно, билась в истерике, кидалась в него антиквариатом. Откуда столько эмоций взялось и энергии? Угомонилась Сашка, лишь когда разбила свой красивый лобешник о деревянную спинку кресла, случайно, но довольно сильно. Пришлось срочно вести ее в клинику и принимать меры, чтобы не осталось шрама. Конечно, Сашка обвинила в своем увечье его, стала угрожать судом, но в последний момент одумалась, не захотела шумиху вокруг развода поднимать. Не сошлись характерами, таково было официальное объяснение причин расставания для прессы. После этого брака Сергей зарекся жениться на красавицах, но семью создать хотелось, он мечтал о детях, поэтому к выбору супруги подошел с другой стороны, как к будущей матери

своих чад. И выбрал милую и приятную во всех отношениях девушку Ванессу, кроткую блондиночку с большим ртом и глазами цвета незабудок.

Ванесса явилась к нему на прием с просьбой об увеличении груди и пожаловалась, что личная жизнь не складывается, потому что, по ее мнению, у нее нет фактуры. Сергей приложил все усилия, чтобы отговорить ее от операции, и доказал опытным путем, что с фактурой у нее все в порядке. Роман развивался стремительно. Кроткая хрупкая Ванесса оказалась в постели демоном, ее кровь вскипала от любого прикосновения. Шахов только диву давался. Казалось, тело ее напичкано эрогенными зонами, как атомная подводная лодка ракетами. Ванесса хотела всегда и... везде. После вынужденного «ледникового периода» Сергей воспарил в небо от счастья. В буквальном смысле этого слова – они занимались любовью не только на земле, в ванной, в лесу, в гостях, машине, но и в воздухе, в тесной, неудобной кабинке туалета самолета. Через полгода активных кувырканий в постели Шахов подустал и сбавил темп. Ванесса восприняла снижение его сексуального интереса как страшную трагедию и впала в депрессию. Каждый вечер она названивала бесчисленным подругам, жаловалась и ныла, что Серж (она так отвратительно его называла) остыл к ней, потому что у нее нет фактуры. Как Шахов ни пытался ее переубедить, даже виагру принимал, чтобы лишний раз доказать свою любовь, ничего не вышло. В один прекрасный день Ванесса уехала

якобы навестить родителей, а вернулась счастливая, с грудью четвертого номера. На этот раз впал в депрессию Шахов: на хрупком тельце Ванессы шары смотрелись ужасно, и выглядела она теперь, как дешевая шлюха. У Сергея опало все окончательно, даже виагра не помогла. Развелись они, однако, мирно. Мало того, на развод подала сама Ванесса. Сразу после операции женушка стала пользоваться бешеной популярностью у противоположного пола и быстро нашла ему замену. Получив новую грудь и избавившись от комплексов, она почувствовала себя желанной и стала увереннее в себе. У нее появился призывный блеск в глазах, изменилась походка и появилась аура, привлекающая самцов. На Сергея чары Ванессы не действовали, поэтому развод он воспринял как освобождение и некоторое время не то что думать о браке не мог, а и вовсе смотреть на женщин. Лишь Сю являлась к нему во сне и возбуждала желание. Он часто вспоминал детство, прокручивая эпизоды из прошлого.

* * *

Сю жила в доме напротив. По вечерам, испытывая страшные угрызения совести, Сережа доставал телескоп, подаренный дедом за отличные отметки, и подглядывал за Сю в окно. Сквозь тюль в электрическом свете ее фигурка казалась божественно привлекательной. Дома она носила линялый ситцевый халатик в мелкий цветочек, скручивала воло-

сы у лба в дурацкий пучок, как единорог, любила поваляться с книжкой на диване, закинув босые ноги на спинку, вечно что-то жевала, совала в карманы халата огрызки от яблок, подолгу мешала ложечкой чай и некрасиво чесала свой идеальный нос. Была у Сю еще одна странная привычка. Ксюша обожала целоваться со шкафом, подходила к нему близко и чмокала. Тайная страсть Сю к предмету мебели так навсегда и осталась загадкой для Сергея Шахова. Он даже немного ревновал, но в то же время ему льстило, что он знает о своей возлюбленной такие интимные подробности.

На выпускном бале Ксюша неожиданно пригласила его на танец. К концу обучения Сережа подрос, вытянулся, стал ниже Сю всего на одну голову, а его курносый нос зрительно уменьшился в размерах. Поэтому Шахов решился и на негнущихся, как Буратино, ногах провел свою даму в центр зала. «Вы шумите, шумите, надо мною березы»... – завывали «Сябры». Со стороны их пара смотрелась забавно, ехидные смешки сыпались отовсюду, но Сю на насмешки не обращала внимания. Она наслаждалась танцем и, не смущаясь, прижималась к нему своим длинным и таким желанным телом. Ее уверенность передалась Сереже, нижним конечностям вернулась гибкость, и он осмелел. Приятно было держать ее за тонкую талию, сжимать хрупкую горячую руку, вдыхать аромат ее блестящих волос, переливающихся в свете мигающих ламп цветомузыки и крутящихся зеркальных шаров. По ее лицу скользили разноцветные зайчики. В

честь выпускного бала Ксюша надела полосатое мини-платье с блестящими лосинами, сделала убийственно яркий макияж, на ушки повесила здоровенные пластмассовые клипсы, а волосы распустила и начесала. Сю походила на экзотическую райскую птицу, и пахло от нее необычно, чем-то сладким, похожим на фруктовую импортную жвачку.

Несмотря на свою внешнюю неуклюжесть, Ксюша танцевала на удивление хорошо. Она тонко чувствовала музыку и не сопротивлялась, когда Сергей ее вел. Как же ему не хотелось, чтобы медленная песня закончилась, но все оборвалось. Диджей врубил Пугачеву, «Волшебник-недоучка». Народ взревел хором: «Даром преподаватели время со мною тратили»... — и ломанулся на танцпол. Вокруг все закружилось и завращалось, но они, словно ничего не замечая, стояли посреди зала и смотрели друг на друга. Сю очнулась первая, поцеловала его куда-то в висок и шепнула на ухо что-то нежное. Сережа с трудом устоял на ногах, он вдруг понял, что Сю все знает о его тайной любви и тоже испытывает к нему чувство. Шахов перепугался. Страх был таким сильным, что Сергей просто сбежал с выпускного вечера. Ночь была теплой, влажной и скорбной, он болтался по улицам Москвы до утра, курил и ругал себя последними словами, что так смалодушничал и упустил свое счастье.

Телескоп он на следующий день запрятал подальше на антресоль — понял наконец-то, что подглядывать за любимой девушкой некрасиво. Ломало страшно, до тех пор, пока Сер-

гей не узнал от одноклассника, что Ксюша переехала в другой район. Ломки прекратились. Он спрятал свои чувства глубоко в душу и настроился на другую, новую жизнь.

Медицинский институт, ординатура, кафедра, работа на «Скорой», бессонные ночи, первая смерть пациента на операционном столе, запой, долгая депрессия, нищие больнички, благодарности от пациентов, институт пластической хирургии, своя клиника, деньги, женщины, два неудачных брака. И вот наконец-то снова замелькало впереди возможное счастье...

Реальность оказалась ужасной. Фотография на сайте была явно десятилетней давности, да и без фотошопа не обошлось. От прежней Сю не осталось и следа. Он, разумеется, тоже не помолодел, но выглядел, по крайней мере, на свои сорок три. Ксюша же предстала перед ним женщиной далеко «за». Не все, конечно, было безнадежно. Фигурка у Сю осталась прежней, стройной. Ноги... Ноги Сю нельзя было спутать ни с чьими другими: кривизна, которая вовсе ее не портила, а, напротив, придавала очарования. Наверное, поэтому Сю никогда не пыталась ее скрыть, а всячески подчеркивала, в юности – короткими юбками, сейчас – узенькими стильными джинсами и выпендержными светлыми сапожками на шпильке. Новая стрижка ей была к лицу, жемчужный свитерок под горло оттенял смуглое лицо, на нос Сю нацепила большие дымчатые очки. Издали она казалось девочкой, но, когда присела рядом, Сергей внутренне содрогнул-

ся. Косметики на лице было так много, что страшно стало – вдруг она осыплется, как некачественная штукатурка. Сю сняла очки. Сеточку морщин и синяки под глазами не могли скрыть даже самые дорогие тональные кремы. Ксюша почувствовала его растерянность и немного смутилась, но быстро взяла себя в руки и попыталась отшутиться, списать все на армянскую кровь, которая очень рано ее превратила в прекрасный цветок, но отвела ему слишком короткий срок для цветения. Да, возможно, это сыграло свою роль. Одно радовало – нос ее остался прежним, разве что теперь между бровями залегла небольшая вертикальная морщинка.

* * *

– Шахов, ты уснул, что ль, там? Отвечай, когда с тобой разговаривают. Ты поможешь мне? – заорала Сю, вернув его в настоящее.

– Ты не разговариваешь, а вопишь! – огрызнулся Сергей. – Я же тебе сказал, что помогу! Приезжай в клинику, сдавай анализы и милости прошу на стол. Сделаю тебе пластику, без проблем, будешь, как огурец.

– Шахов, ты идиот? Я же все тебе объяснила: в клинику я не могу лечь. Меня же конкуренты вычислят с полпинка. Представляешь, какой шум поднимется? Владелица косметического концерна, производящего омолаживающие кремы для морды лица, – и легла под нож. И все – я разорена! Кто

мои кремы будет покупать? Конкуренты не дремлют, Шахов! Они на пятки наступают и только и ждут, когда я ошибку сделаю.

– А я тут при чем! – заорал Сергей. – Я не могу тебе сделать пластику вне клиники. Я хирург, а не подпольный акушер! Не проси. Как решишься на операцию, звони. А так – прошу меня не беспокоить. У меня своих проблем до фига.

Шахов нажал отбой и раздраженно отбросил трубку. Дура! Ведь уговорит какого-нибудь шарлатана, который на дому ей физиономию поправит. В антисанитарных условиях. А если вдруг осложнения начнутся? А если инфекцию занесет? Дура, идиотка несчастная! Шахов снова взял телефон и набрал номер Ксюши.

– Так я и знала, что ты передумаешь, – радостно простебетала Сю. – Я тебя обожаю, Шахов. Когда начнем?

– Я не передумал, – буркнул Сергей. – Операция пройдет в клинике.

– Но...

– Не перебивай! У меня есть идея, как все организовать, чтобы об этом никто не узнал.

– Серый, ты прелесть! – мурлыкнула Сю. – Какая у тебя идея?

– Скажу, если ты просветишь меня, зачем целовалась со шкафом.

– С каким шкафом? – растерялась Ксюша.

– С тем, который стоял у тебя в комнате на старой квар-

тире, на Дубнинской. Я за тобой подглядывал пару раз в телескоп. Каждый вечер ты подходила к шкафу, разговаривала с ним и нежно чмокала. Колись, подруга, чем шкаф был лучше меня?

– Дурак, что ли, совсем! Ни с каким шкафом я не целовалась. У меня зеркало было в шкафу, во весь рост. Я подходила к нему, собою любовалась и прыщи на лбу давила. Мама меня за это ругала сильно. Или рожи строила своему отражению, – Сю расхохоталась.

– Невероятно! – Шахов потрясенно вздохнул. – Позвоню, как только все улажу, – пообещал он, отключился и озадаченно потер трубкой лоб. – Невероятно! – повторил он, не в силах переосмыслить то, что сообщила ему Ксюша. Оказывается, у нее еще и прыщи были! – М-да... Любовь слепа, – вздохнул Сергей, хлебнул виски и поплелся в кабинет, к компьютеру, чтобы выйти в Интернет.

ГЛАВА 2. ГЕНИЙ

О режиссере Иване Аркадьевиче Варламове Шахов узнал от пациентки, известной актрисы Марины Гольц. Актриса с жаром поведала ему историю о том, как Варламов устроил судьбу одной вертихвостки и ее папаши, придумав оригинальный сценарий реалити-шоу, который воплотил в жизнь¹.

В шоу были вовлечены профессиональные актеры и обычные люди, которые и не подозревали о своем участии. Марина уверяла, что Варламов – гений и просто творит чудеса. В финале, дескать, все персонажи истории получили то, о чем мечтали. Сергей рассказу не придал особого значения, развлечения других людей его мало интересовали, но вчера вдруг вспомнил о режиссере и решил встретиться с этим уникальным человеком. Звонить Марине он не стал, слишком болтлива и любопытна была эта женщина, умучила бы его потом вопросами и начала бы трепать языком, а дело, с которым он собирался обратиться к Варламову, носило сугубо конфиденциальный характер.

Выйти на режиссера оказалось просто, стоило лишь забить его имя в поисковике. Из информационных источников Сергей узнал, что знаменитый режиссер находится в дан-

¹ Читайте об этой истории в романе Марии Брикер «Кокон Кастанеды».

ный момент в Москве, а не в Дании, где в последние годы живет, и остановился в гостинице «Метрополь». Это была настоящая удача. С номером режиссера его соединили без проблем, Сергей представился хорошим знакомым Марины Гольц и тактично попросил о встрече. Варламов охотно согласился.

Договорились пересечься на Патриарших Прудах, в гламурном ресторанчике «Павильон». Сергей выбрал это место, чтобы произвести впечатление на Ивана Аркадьевича, предположив, что Варламов непременно должен вписаться в интерьер заведения и остаться доволен. Творческая богема все-таки. И она, богема, очень привередлива в выборе мест для жрачки и бесед. Сам Сергей предпочитал что-то более неформальное, где кормили не понтами, а нормальной едой. «Елки-палки» или «Белое солнце пустыни». А в заведениях такого рода он немного комплексовал. Хотя вроде бы с чего ему, одному из лучших пластических хирургов Москвы, комплексовать? Опыт у него был впечатляющий. Сашка протаскала его по всем пафосным заведениям столицы, куда вход для простых смертных был закрыт. Но Сергей так и не смог привыкнуть к пафосу. Детство в Бескудникове оставило свой отпечаток. Однако, когда Шахов приехал в «Павильон», дискомфорта он не ощутил. В ресторане было уютно и стильно: мягкие красные диванчики, лепнина на потолке, огромные окна-витрины с видом на пруд, приятная аура старины.

Посетителей в ресторанчике почти не было: воркующая на диванчике парочка влюбленных, задумчивый бизнесмен, явно завсегдатай, скучающая гламурная блондиночка и двое тихих стильных молодых людей. Атмосфера располагала к неторопливой беседе.

К сожалению, с выбором места он в итоге просчитался. Варламов ресторан не оценил, о чем заявил Шахову в лоб. Ивану Аркадьевичу, видите ли, не понравилось, как на него посмотрели при входе секьюрити.

Явился режиссер без опоздания, в меню даже не взглянул, заказал себе кофе и уставился на Сергея пристальным взглядом, от которого кровь в венах застыла. Сергей на мгновение даже забыл, зачем приперся в это заведение. Совсем не таким он представлял себе этого человека, вернее, он вовсе его себе не представлял, но все равно удивился. Гений оказался неприятным типом преклонного возраста, щуплым, с длинными седыми волосами, собранными в хвост. Одет он был довольно скромно, в черную кожаную куртку, подбитую мехом, молодежные джинсы и серый облегающий свитер под горло, но обувь и аксессуары ясно говорили о его материальном достатке. На орлином носу поблескивали очки в тонкой золотой оправе, а на запястье Сергей заметил скромные с виду, но очень дорогие швейцарские часы «Breguet».

Почему-то захотелось встать и уйти. Ощущение возникло, что он влез туда, куда лезть совсем не следует. Варламов уловил его настроение и улыбнулся. Лучше бы не улыбался,

от этой улыбки у Сергея мороз по коже пошел. Да что с ним такое? Вроде он никогда не страдал идолопоклонничеством. Спокойно знаменитостям морды и сиськи правил, и ничего. И вдруг оробел ни с того ни с сего. Подумаешь, известный режиссер! Подумаешь – гений. Шахов внутренне выдохнул, чтобы успокоиться.

– У меня мало времени, молодой человек, – не выдержал Иван Аркадьевич. – Что Марина вам про меня натрепала? Наверняка, что я вершитель чужих судеб? И вы явились, чтобы попросить меня о конфиденциальной услуге. Хотите, чтобы я влез в вашу жизнь и решил все ваши проблемы? – Варламов прикурил сигарету и насмешливо на него посмотрел. – Идите лучше домой, молодой человек. Не слушайте глупых баб. Вечно они болтают всякую ерунду.

Шахов молчал, разглядывая сухие, но ухоженные пальцы Ивана Аркадьевича, в которых тлела сигарета. Варламов явно затеял какую-то игру и проверял его. Нет, Марина говорила о нем чистую правду, даже, возможно, недооценивала его. Этот человек был способен на многое и на встречу согласился неспроста, но открываться перед Сергеем не торопился, за своего не признал. Пока не признал. Надо было что-то предпринять, чтобы дело сдвинулось с места. Но что? Любая ошибка, и он пойдет домой ни с чем, а возвращаться ему отчего-то резко расхотелось. Шахова даже охватил азарт. Деньги режиссера явно не интересуют, размышлял хирург, поэтому предлагать ему презренный металл бессмысленно.

Уговаривать его тоже бесполезно. Сергей твердо посмотрел в глаза режиссеру и сухо улыбнулся.

– А я ведь в какой-то мере ваш коллега, Иван Аркадьевич. Тоже судьбы меняю, – сказал он, и в глазах Варламова вспыхнул жадный огонек.

– И как вам? – спросил Иван Аркадьевич, глубоко затаился и выпустил струйку дыма к потолку.

– Страшно, – признался Сергей, он понял, что юлить перед этим человеком нельзя.

– Рассказывайте, – попросил Варламов. Рассказ занял немного времени. Сергей наблюдал, как менялось выражение лица режиссера, жадный огонек в его глазах потух, и Варламов скукожил такую скучную физиономию, что Сергей понял – заинтересовать режиссера у него не получилось. – Из-за этой ерунды вы меня побеспокоили? – подтвердил его предположения Иван Аркадьевич, когда Шахов посветил его в суть дела. Сергей напрягся, но Варламов поспешил его успокоить: – Вы мне симпатичны, поэтому я помогу вам. Это дело не стоит и выведенного яйца. Даже скучно. Фото вашей одноклассницы у вас с собой? И адресок ее мне черкните.

Шахов кивнул, достал портмоне, извлек оттуда фотографию Сю и положил на стол перед Варламовым.

– А адрес вам зачем?

– Хочу посмотреть на нее воочию, на походку, мимику и характерные жесты, – объяснил Иван Аркадьевич, с интересом взглянул на карточку, некоторое время разглядывал ее

внимательно и морщил лоб. – Дело дрянь, – сказал режиссер, снял очки, протер их салфеткой, нацепил на нос и снова уставился на фото. Шахов вновь напрягся, сожалея всем сердцем, что приехал в ресторан на машине. Порция вискаря бы ему сейчас не помешала. Варламов своими заявлениями его нервировал.

– Почему дело дрянь? – раздраженно спросил Сергей: режиссер, похоже, не собирался ничего ему объяснять.

– Внешность у вашей одноклассницы нестандартная. Я не знаю актрис с такими внешними данными и сомневаюсь, что мы найдем похожий типаж.

– Отказываетесь? – спросил Сергей. Варламов посмотрел на него так, словно он спросил абсолютную глупость. И Шахову захотелось режиссера придушить или сделать ему принудительную пластику морды, чтобы навсегда стереть со лба Ивана Аркадьевича эту идиотскую мимическую морщину на лбу, выражающую усталость от несовершенного мира, неспособного его, гения, понять.

– Раз я обещал помочь, обещание выполню, – отчеканил Варламов. – Это вы, молодежь, распоясались – дальше некуда. Ответа за свои слова не несете. Слова для вас – пустой звук. Пообещать и не сдержать свое слово для вас в порядке вещей. Эгоисты! Живете только для себя, лишь бы хапнуть от жизни побольше благ и устроить свою задницу покомфортнее. Ни морали, ни принципов, ни креатива. Даже кумыры у вас полуфабрикатные.

– Ну, знаете ли! Попрошу не обобщать! – возмутился Сергей и отчего-то покраснел. В чем-то Варламов был, конечно, прав, но какого хрена он морали ему читает и еще оскорбляет, называя молодежью! Нашел мальчика, старпер несчастный, заносчивый сноб. Ему сорок три года, у него своя клиника, у него клиентура из высшего света, и он добился всего сам.

– Ладно, не злитесь и извините меня, – словно прочитав его мысли, проворчал Варламов. – Старею и становлюсь невыносимым, сам знаю. Сегодня еще и не с той ноги встал, – пожаловался Иван Аркадьевич. – Не люблю гостиницы, а приходится в них останавливаться, когда приезжаю в Москву по делам. Свою квартиру я по горячности продал, когда отбыл в Данию, новой все никак не обзаведусь. Да и смысла не вижу, в Копенгагене у меня вилла, и умереть хочу там, на родине Андерсена. Съемные квартиры и вовсе ненавижу, в них нездоровая энергетика, а я к этому делу, признаться, довольно чувствителен. Я периодически у своей знакомой останавливаюсь, но, как назло, ее сын с женой поссорился и к ней переехал. Друзья...

– Переезжайте ко мне, у меня дом из кедра, – неожиданно для себя брякнул Шахов и ужаснулся. Не дай бог, режиссер согласится! Тогда капут придет его спокойной жизни, запарит нравоучениями.

– Спасибо за приглашение, – улыбнулся Иван Аркадьевич, Сергей собрался было вздохнуть с облегчением, но...

– С удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством, – «обрадовал» его Варламов. – Полагаю, так будет удобнее для нашего совместного предприятия.

– Э-э-э... – сказал Шахов.

– А банька у вас есть? – поинтересовался режиссер.

– Угу, – криво улыбнулся Сергей.

– Русская?

– Русская, – сказал Шахов обреченно.

– Отлично, – Иван Аркадьевич заметно оживился, – тогда поехали. Я только по дороге заберу вещи из гостиницы. Кастинг тоже у вас будем проводить, так безопаснее, и вам не придется мотаться по киностудиям.

– Кастинг? – пискнул Шахов. – Какой кастинг?

– Кастинг на роль вашей одноклассницы. Без вашей помощи мне не обойтись. Нам ведь после отбора придется с актрисой поработать и обучить ее характерным манерам вашей Сю. Вы мне в этом деле подсобите. Да, не вздумайте со своей бизнес–леди на людях светиться, завалите все дело. Вас наверняка конкуренты засекли вместе в ресторане и сейчас наблюдают за ней с удвоенной силой.

– В таком случае, кастинг у меня в доме опасно делать, – предпринял еще одну попытку отвертеться от мероприятия Сергей.

– Вы им без надобности, – утешил его Варламов. – Не исключено, что они клинику проверяют, но какой им резон следить за вашим домом? Уверен, информацию о том, что

дома вы не практикуете, они уже получили и на этом успокоились.

– Вы думаете, что все так серьезно? – спросил Шахов. – Мне казалось, что Сю несколько преувеличивает.

– Судя по тому, что ваша Сю – владелица не овощной палатки, а концерна, лидирующего на рынке, то серьезнее не бывает. На кону огромные деньги. Ваша одноклассница не зря волнуется. Если информация об операции просочится в прессу, репутации ее придет конец, и ситуацию ничем уже не поправишь. Поэтому надо действовать крайне осторожно. Попросите вашу Сю забронировать путевку на горнолыжный курорт, на свое имя. Пусть сообщит, что едет отдыхать, как можно большему количеству человек. Желательно интервью в прессе дать. Наверняка у нее знакомые журналисты есть из светской хроники, достаточно черкнуть небольшую заметку из серии, как проводят отдых и встречают Новый год российские бизнес-леди.

– Курорт?

– Иначе не получится. Я постараюсь типаж похожий подобрать, но вряд ли удастся найти актрису со стопроцентным сходством, поэтому двойника придется сильно гримировать. Чтобы не случилось провала, – вдруг она с кем-нибудь из знакомых в Москве столкнется, – отправим двойника за границу на время операции, – Варламов хихикнул, – и послеоперационного периода. Подменим женщин в аэропорту. Потом Сю отправится к вам в клинику, а ее двойник

поедет на горнолыжный курорт. Завтра я на студию отправлюсь, картотеку просмотрю, найду похожий типаж и привезу девушку к вам. Медлить нельзя. Время больно подходящее, отъезд в период новогодних праздников не вызовет подозрений, и слежка будет минимальной, скорее, для проформы.

– Да, Новый год... – вздохнул Шахов и почему-то загрустил. – А почему горнолыжный курорт? А не Тунис, допустим?

– Дополнительные меры предосторожности не помешают. Двойник периодически должен показываться на людях, не можем же мы запереть актрису в номере. Очки, шапка, горнолыжный костюм сгладят непохожесть, а еду она может в номер заказывать, и видеть ее будут только официанты и горничные.

– Как все просто, оказывается, – поразился Шахов.

– Не зарекайтесь, молодой человек, – усмехнулся Варламов. – Жизнь такая штука, каждый раз преподносит сюрпризы, и не всегда приятные. Ну что, поехали в баньку? Я только вещички по дороге из гостиницы прихвачу. Не волнуйтесь, молодой человек, я сильно не обременю вас и обещаю больше нотаций не читать, – улыбнулся Иван Аркадьевич, глядя на кислое выражение лица Сергея, но почему-то Шахов режиссеру не поверил.

Варламов как в воду глядел, неприятный сюрприз их поджидал уже на следующий день – подходящей актрисы на роль Сю в картотеке не оказалось.

– Попробую картотеки актерских факультетов прошерстить, – пообещал Варламов и поддал из ковшика на раскаленную печь. В парилке запахло жареным солодом. – Я, признаться, больше люблю поддавать эвкалиптом или мятой, а не пивом, – доложил Иван Аркадьевич, сдувая каплю пота с носа. Сергей молча медитировал на полке, иногда поглядывая на голого режиссера в банной войлочной шапочке. Сейчас Варламов, мокрый от пара и пота, отнюдь не казался монстром, а выглядел даже потешно. Люди без одежды вообще, по большей части, выглядят смешно, а голые знаменитые режиссеры – вдвойне, размышлял Шахов, хихикая в душе. За наезд Валаамова в ресторане он Ивану Аркадьевичу уже отомстил, несколько раз пройдясь по спине гения кинематографа березовым веником. Варламов, правда, мужественно выдержал экзекуцию и даже спасибо сказал, крепким старикан оказался, но хотя бы на время из него вредность получилось выбить, и то хлеб.

Они проживали совместно уже четыре дня. Сергей старался появляться дома как можно реже и больше времени проводить на работе, приезжал лишь к ночи, а уезжал рано утром. К счастью, Варламов утром спал сном младенца, но по ночам колобродил по дому, смотрел телевизор, слушал музыку, гремел кастрюльками и хлопал дверцей холодиль-

ника. Сумасшедший режиссер, видите ли, питался по ночам, и это выводило Сергей из себя. Но больше всего его раздражало то, что дело не сдвигалось с места. Новый год приближался, путевка на курорт была приобретена, Ксюша растрезвонила о своем отъезде всем, кому могла, и дала интервью парочке журналистов светских хроник, а найти подходящую актрису на роль Сю никак не получалось.

– А может, я сам копию Сю сделаю, – постанывая от жаркого пара, сказал Шахов. – Найдем какую-нибудь подходящую девицу по росту, уговорим ее...

– Идея хорошая, но бесперспективная.

– Почему это? – лениво спросил Шахов, сам понимая абсурдность своего предложения. Если с этой стороны к делу подходить, то мероприятие отложится минимум месяца на два. Вопрос он задал, скорее, по инерции, Варламов пробуждал в нем подростковый дух противоречия.

– Потому что, при всем уважении к вашей подруге, ее внешние данные заинтересовать могут лишь такого эстета, как вы, – ответил Варламов.

– А при чем тут...

– При том, что уговорить другую женщину стать похожей на Сю у нас вряд ли получится. Разоримся.

Сергей зачерпнул из кружки ковшом и снова плеснул на печь. В помещении поднялась плотная стена пара, Варламов заохал и выскочил из парилки.

– Стрекозел, – буркнул Шахов и мстительно улыбнулся,

он нарочно подал неправильно, чтобы проучить наглого старикана, который снова ухитрился испортить ему настроение.

ГЛАВА 3. ОНО

На работу Шахов приехал в дурном расположении духа, рывкнул на администратора Галину, что позволял себе крайне редко, и хмуро удалился в кабинет, громко хлопнув дверью. Козел Варламов снова всю ночь колобродил, не дав ему выспаться, а к утру выяснилось, что гений кинематографа, как саранча, сожрал все, что было в холодильнике. Оставил лишь кусок масла в масленке, которое мазать было не на что – хлеб режиссер тоже сожрал, сволочь прожорливая. В морозилке продуктов было много: пицца, пельмени, вареники, лазанья, еще какая-то замороженная полуфабрикатная лабудень, но приготовить еду Сергей не успевал – опаздывал. Впервые в жизни не услышал будильника и проспал, потому что уснуть получилось лишь под утро, когда Иван Аркадьевич утомился и лег почивать. Завтракать пришлось овсяной кашей, запарив ее водой. Овсянку Сергей с детства ненавидел, но стабильно покупал ее, лелея надежду когда-нибудь приучить себя к здоровому образу жизни. Пока не получалось, на завтрак он предпочитал бутерброды или яичницу с беконом. Варламов, очевидно, предпочитал те же продукты на ужин. Злодей! Придется сегодня вечером в супермаркет пилить, расстроено думал Сергей. Да, он предложил Варламову кров, но ведь в прислуги-то ему не нанимался! Одному Сергею многого не нужно было. Обедал и ужинал он либо в

клинике, либо в городе. Дома только завтракал. Именно дома, потому что голодным он даже за руль сесть не мог, руки тряслись, словно с перепоя. Кашка утолила голод, но руки унять не удавалось, они все равно тряслись – от злости на Варламова. Гад! Еще имел наглость на их поколение баллоны катить, эгоисты, дескать, все. А сам? Хотя бы одно яйцо оставил, нет же – все два сожрал! И сырок «Дружба», и три ломтика бекона, и помидор, и два огурца. Все, что было, схрюпал подчистую. Сгрыз даже подсохший пучок укропа. Салат он, видите ли, себе ночью делал! Салат! Одну луковицу ему оставил, папа Карло, блин. Да, и молоко тоже допил! Шахов точно помнил, что четверть пакета там точно было. В общем, Сергей был очень зол.

Радовало, что операций на сегодня у него не планировалось, только прием пациентов. Однако для приема посетителей определенный психологический настрой тоже нужен. Работа у него с живыми людьми, а не с бумагами. Бумагу порвать можно в клочки, а человека не порвешь, даже если он, человек этот, тупой, как пробка.

Сергей с тоской посмотрел на дамочку, похожую на табуретку, сидевшую на стуле напротив него, и вздохнул. Случай был запущенным, во всех отношениях.

– Лелик мне и говорит. Лелик – это муж мой, – чирикала женщина. – Так вот, Лелик мне и говорит: «Когда у тебя талия будет пятьдесят сантиметров, то я тебе права водительские подарю». Представляете, доктор, какое условие он

мне выставил! Знает, гад, как я мечтаю права получить, и ради этого на все пойду. Еще предупредил, чтобы не вздумала сама себе права покупать. Говорит, что мне, с моими куриными мозгами, обязательно фальшивку подсунут. И тю-тю, посадят потом. А кому сидеть хочется? Мне не хочется, совсем. Он это знает и меня шантажирует. Я уже обруч крутила, пресс качала, салоны обегала, все, какие могла, массаж делала, но талия моя почти не уменьшилась. Помогите, доктор!

– Вы хотите талию пятьдесят сантиметров? Или права водительские? – уточнил Шахов.

– Права, конечно! – обиделась дама. – Лелик мне заявил, что, когда у меня права будут, то он мне машину купит. А без прав...

– Идите домой, запишитесь в школу вождения, сдайте сами на права. Всего доброго, – Шахов захлопнул карту пациентки, дав понять, что аудиенция закончена.

– Как это? – растерянно уточнила дама. – Как это – самой сдать на права?

– Обыкновенно, как все сдают, – мило улыбнулся Сергей. – Докажите вашему Лелику, на что вы способны! Ишь, что удумал, понимаешь, такую прелестную женщину шантажировать!

– А ведь правда, если я сама на права сдам, меня же не посадят, и диетами мучить себя не придется, – пришла к выводу посетительница и поднялась со стульчика.

Сергей махнул даме ручкой на прощанье и искренне посочувствовал несчастному Лелику, а заодно и инструктору по вождению.

В кабинет заглянула Галина, и Шахову стало стыдно, что он на нее нагавкал. Женщина она была чудесная, светлая, преданная и ничем не заслужила такого обращения. Сколько раз он убеждался, что не зря выбрал ее из всех претенденток, несмотря на то, что у Галины опыта не было. Трудилась она до этого преподавателем в университете, но то ли устала, то ли просто захотела нормальные деньги за свой труд получать – Сергей уже не помнил, но ни разу не пожалел, что заключил с ней договор. Однажды между ними чуть не случился роман. Была корпоративная вечеринка на теплоходе. Теплый ветер, сияние звезд и много шампанского с виски приблизили их друг к другу настолько, что они оказались в какой-то подсобке, среди швабр и прочего инвентаря, но в последний момент Галина опомнилась и заблокировала к себе доступ. Мудрая женщина, обернись все иначе – не было бы у него сейчас преданного администратора, а у Галины – заботливого шефа. Нет, Сергей, естественно, никогда бы ее не уволил из-за того, что с ней переспал. Но он по опыту знал: женщины устроены так, что не прощают даже тех любовников, от которых уходят сами. Ванесса, к примеру, сама ушла, расстались без скандалов, по обоюдному согласию, но в прессе вскоре появилась гадостная статейка, что Сергей Шахов – импотент. Он разве виноват, что Ванес-

са после операции, к слову, у бездарного хирурга, стала походить на резиновую грелку? Пришлось в срочном порядке найти женщину, которая восстановила бы его честь. Марина Гольц помогла исправить положение, одного перепихона было достаточно, чтобы пресса подробно узнала о его мужских способностях. Правда, пресса еще много чего о нем узнала, что знать ей совсем не следовало, например, что на ягодице у него родимое пятно, но это уже издержки. Главное, справедливость была восстановлена. Воспоминания о прошлых неприятностях снова перевернули его настроение, уже почти наладившееся, когда удалось быстро отфутболить даму без талии и водительских прав.

– Что? – спросил Шахов, хмуро взглянув на Галину, которая топталась у двери и не решалась его о чем-то спросить.

– Там один парень на прием рвется, без записи пришел, – доложила администратор. – Хотела его записать на другой день, но в очереди неожиданно окно образовалось. Одна клиентка не явилась. А тот, что с ушами мается, позвонил и сказал, что в пробку попал. Говорит, надолго. Может, примете парня?

– Гони его в шею, – буркнул Шахов. – И кофе мне с бутербродами организуй.

Администратор испарилась и через пять минут появилась вновь с подносом, на котором дымилась чашка кофе и стояла тарелочка с тремя крекерами.

– Издеваешься? – зарычал Сергей. – Что ты мне приво-

локла?

– Буфет на плановую санобработку закрыли, в стационар я завтрак заказала, но вы же никогда не завтракаете, – объяснила Галина. – Печенюшки от сердца оторвала. Так что не выпендривайтесь, Сергей Владимирович, и жрите, что дают. А на меня кидаться не надо! Я не виновата, что у вас в личной жизни проблемы.

– Да нет у меня никаких проблем! – взвился Шахов, но понял, что перегнул палку, и выдал скупое извинение, которое Галина милостиво приняла и мгновенно подобрела. Чудесная женщина! Мудрая! Жenu бы такую иметь, отходчивую и всепрощающую. Жаль, что жен таких в природе не существует, только администраторы.

– Так, может, парня примете? – уловив перемену в его настроении, снова переспросила Галина.

– Да что тебе этот парень-то дался? – усмехнулся Шахов. Галина пожала плечами:

– Жаль пацана. Думаю, он намеревается себе член увеличить.

Шахов сунул в рот печенье и закатил глаза к потолку.

– Почему ты так решила?

– С лицом у него все в порядке, не голливудский красавчик, конечно, но совсем не урод. Я бы сказала, очень симпатичный типаж. А ведет себя так, словно только что кого-то убил. Мечется, переживает, потеет, куда руки девать не знает. Наверняка с любовницей осечка вышла. Примите маль-

чонку.

– Ладно, уговорила, сердобольная ты моя, – сдался хирург. – Зови его сюда, будем проводить сеанс психотерапии. Но это в последний раз, Галина! Запарился я уже мужиков от мнимой импотенции лечить и внушать им, что жить счастливо с женщиной можно и вовсе без члена.

Галина послала ему воздушный поцелуй и скрылась за дверью. Удивительная женщина, любую проблему, с которой являлся клиент, она мгновенно угадывала. Сергей не сомневался, что парень, рвущийся на прием без предварительной записи, обратится к нему именно с той просьбой, которую озвучила его проницательная администратор. Сомневался он в другом. Возможно ли в принципе быть с женщиной счастливым? Пока у него не выходило, что, впрочем, во все не мешало Сергею Шахову убеждать своих пациентов в обратном. А если не получалось убедить, тогда в ход шел скальпель, который уже кардинально решал проблему клиента относительно утраченной уверенности в себе.

Он запихнул в рот второй крекер, запил его кофе и настроился на долгий разговор. Однако он даже предположить не мог, что Галина окажется настолько проницательной, вынеся посетителю предварительный диагноз.

– Сергей Владимирович Шахов? – с порога поинтересовался парень.

– Он самый, – улыбнулся Сергей. – Садитесь. Чем могу быть... – Шахов умолк на полуслове, ошеломленно глядя на

парня. Он не верил своим глазам: к лицу этого молодого человека прирос нос Сю, точная и безупречная его копия!

– Вы должны изменить мою внешность, и немедленно! Не-мед-лен-но!

– Что так? – усмехнулся Шахов.

– Я все о вас знаю! Все! – заявил парень, подошел к столу и уселся на стул, чуть не промахнувшись мимо сиденья, сложил руки на груди. В такой позе сидеть ему было явно неудобно, поэтому он придвинул стул ближе к столу, положил руки на столешницу, как ученик, и через мгновение снова спрятал их под стол.

Сергей наблюдал за этими действиями с замиранием сердца.

– А ну-ка, пацан, – неожиданно попросил Шахов, – пройди по комнате и встань в нескольких шагах от стола.

– Зачем?

– Делай, что тебе говорят! – потребовал Сергей.

Парень неуверенно поднялся, чуть не уронив стул, походил взад–вперед и застыл у стены, напротив Шахова, одернул свитер по–пионерски и чуть приподнял подбородок.

– Невероятно! – воскликнул хирург, запихнув в рот третий крекер. – Садись, – Сергей кивнул на стул. – Садись, кому говорю, и рассказывай, что ты натворил.

– Я?

– Ну не я же! – хмыкнул Шахов. – О себе я сам все знаю, так что можешь не утруждаться.

Парень вернулся за стол и уронил голову на руки. Некоторое время он молчал и сопел, Сергей не торопил, ждал, пока он созреет.

– Я должен деньги, – тихо сказал парень. – Очень крупную сумму.

– Игрок? – уточнил Сергей.

– Нет.

– Наркошка?

– Не наркоман я, – обиделся парень. – Подстава! Автомобильная авария, подрезали на «мерсе», счетчик включили, я и опомниться не успел. Меня убьют, если я долг не отдам, – он поднял на Шахова глаза, в них было отчаяние и удивление.

– Черт, – выругался Шахов. – Знаю, бывает такое. У меня похожий случай был. Машину страховать надо.

– Не моя была машина. Я ее взял у приятеля на время, в «Ашан» съездить, затовариться.

Парень врал, Шахов это сразу почувствовал, прочитал по лицу, по глазам. Похоже, мальчишка натворил нечто более серьезное, поэтому пытается изменить внешность. Сергея терзали противоречивые эмоции. Темными делишками Шахов в своей клинике не занимался, хотя иной раз его просили об услуге криминальные товарищи, мечтающие скрыться от правосудия. Сергей решительно отказывал. С первого раза, правда, не все понимали. У дома караулили, по телефону

звонили с угрозами, но Шахов стоял насмерть, и ребяташки, как правило, отлипали. Один особо настырный гражданин не отлип и машину ему спалил, хорошо, она застрахована была, но мороки прибавилось. Ненужную суету Сергей Владимирович не любил, поэтому очень сильно разозлился, позвонил поганцу и твердо пообещал, что, если он так хочет, то Шахов операцию сделает и пришьет ему то, что находится в его штанах, к лицу. Больше товарищ его не беспокоил. Здесь был другой случай, но тоже явно криминальный.

– Врешь, – впрямую сказал Шахов. Молодой человек отрицательно покачал головой, похоже, собираясь с духом все выложить начисто. Но Шахов жестом остановил парня. Подробности Сергею слушать не хотелось, не нужны ему были подробности эти, меньше знаешь – крепче спишь. Решение он уже принял, вряд ли лучший шанс представится, и нельзя им не воспользоваться. – Как тебя зовут? – спросил Сергей.

– Так я вам и сказал, – нахохлился парень. – Предупреждаю, я все о вас знаю! – добавил он застенчиво и густо покраснел. Таких стеснительных шантажистов Сергей Владимирович в своей жизни еще не встречал. Любопытно, что же он такого крамольного нарыл? – лениво размышлял Шахов. И откуда получил информацию? В Инете хрени всякой начитался? Шахов поморщился. Что только про него не писали в этом поганом Инете! Каких небылиц не выдумывали! Последняя новость – что он «пользует» хорошеньких моделей и актрис во время своих операций. Маразм, тупизм, иди-

отизм, но есть категория людей, которые от таких сообщений возбуждаются, им лишь бы информационный повод был кого-нибудь грязью полить и обтягивать. В итоге собирается толпа неадекватов и выпуливает во Всемирную паутину поток негатива и агрессии. Спорить и что-то доказывать – бесполезно. Робкие попытки вменяемых людей высказаться в его защиту тонут в потоке дерьма. Во всем Сашка виновата, зараза! За каким хреном таскала его по тусовкам? Засветился с ней в глянце, и теперь его воспринимают, как светского персонажа. Нашли, блин, забаву! Он же просто хирург, а не поп-звезда! К слову, откуда ноги росли у этих идиотских сплетен, Сергей примерно представлял. Вовсе не Сашка этому способствовала, некогда ей было за компом торчать, ее занимали куда более важные дела – бутики, салоны и тусовки. Очевидно, это Ванесса ему таким макаром мстила... в перерывах между сексом с многочисленными любовниками. Сплетни сплетнями, но мальчишка не выглядит дауном и вряд ли стал бы пытаться шантажировать его доступной всем инфой из Интернета. Сомнительно также, что он полез во Всемирную паутину на сайты, которые, стоит лишь имя любого человека ввести, через пять минут выдают сведения о компроматах или об их отсутствии. Выходит, парень знал раньше какую-то компрометирующую информацию о нем, знал, а когда петух жареный клюнул, то информация в голове всплыла, и он двинул прямиком сюда, в клинику пластической хирургии, решив изменить свою внешность до

неузнаваемости. Можно подумать, это ему поможет скрыться. Ясно с одного взгляда, что у парня за душой ничего нет. Достаток средний или чуть выше среднего. Работает, скорее всего, клерком или менеджером среднего звена, без особых перспектив выбиться в топы. На что он рассчитывает? Чтобы жизнь новую с нуля начать, нужен, как это ни печально, стартовый капитал. Впрочем, не его эта забота, раздраженно подумал Сергей и вернул мысли к вопросам о степени просвещенности молодого человека, вернее, о его просветителях. Шахову неожиданно пришла забавная мысль: а не с Ванессой ли этот мальчик кувыркался в постели? Не она ли ему в уши лила всякий вздор? Шахов тихо всхлипнул и отхлебнул кофейку, пытаясь не рассмеяться, так забавно все это выглядело в его воображении. Сергей Владимирович вздохнул и решил не выяснять, откуда пацан почерпнул сведения о нем и какие именно. Причина была банальна: Сергей попросту смалодушничал. Решение по поводу этого юноши, которое он принял, пойдя на компромисс со своей совестью, было настолько хлипким, что любая мелочь могла его изменить, назови он имя просветителя, которое Сергею Владимировичу может не понравиться. Придется посылать пацана лесом. А Шахову этого не хотелось. Шантаж к тому же стал отличным предлогом, чтобы совесть перестала вопить благим матом, а возмущалась лишь шепотом.

– Так как тебя зовут? – еще раз спросил Сергей. – Нам с тобой придется долго работать, но я же не могу постоянно

к тебе по имени Никто обращаться. Только не ври мне, парень! В клинику я тебя оформлю по паспорту, так положено, но не бойсь, информация о твоём нахождении здесь никуда больше не просочится. К тому же ты достаточно мне уже рассказал. Ты спал с одной из моих бывших пациенток, от нее получил какие-то сведения обо мне, поэтому и приехал сюда – правильно?

Парень уставился на него во все глаза и нервно дернул плечом, словно у него свитер был колючим.

«В точку», – удовлетворенно подумал Шахов и улыбнулся.

– Я...

– Подробности меня не интересуют! – оборвал парня Сергей. – Клади паспорт на стол, живо.

– Меня зовут Левон, Левон Минасян, – после паузы сказал молодой человек, достал паспорт из брюк и положил перед Шаховым. – Значит, вы согласны изменить мою внешность? – с надеждой и ужасом спросил он.

– Согласен, – пролистнув странички документа, кивнул Сергей. Не женат, детей нет, родился в Ереване, в Москву переехал в возрасте 18 лет, очевидно, поступать в вуз.

– А-а-а... как? – заикаясь, уточнил парень.

– До неузнаваемости! – пообещал Сергей Владимирович. Левон вздрогнул и побелел, машинально потрогав свое лицо.

– И я буду на себя не похож? Совсем?

– Абсолютно! Начнем с ушей: сделаем их оттопыренны-

ми, нос – курносым, губы – пухлыми, особенно нижнюю, подбородок... укоротим чуть-чуть, лоб... уменьшим, а кожу отбелим кислотами. Не волнуйся, пацан, будешь как новенький. Никто тебя никогда не узнает, – пообещал Шахов, сдерживая очередной позыв заржать. Забавно было наблюдать за переменами выражения лица парня, Шахову даже жаль мальчика стало на минутку.

– А нельзя как-нибудь... Что-нибудь... Э-э-э... – Левон снова машинально схватился за свою физиономию, с трудом удерживая равновесие на стуле.

– Нет! – рявкнул хирург. – Иначе – никак! Или так, или ва-ли отсюда на хрен, по долгам платить. Пусть тебя пришьют, меня это мало волнует.

– Я согласен, – обреченно промямлил Левон, глаза его увлажнились, парень держался из последних сил, чтобы не разрыдаться.

– Вот и славненько, прием через час закончу и начнем, инструменты подготовим, скальпель и трепанатор, посиди пока в соседней комнате, – улыбнулся хирург, – каталог посмотри с картинками.

– Трепанатор? – сглотнул Левон.

– Угу, это такая штучка, которой кости черепа пилят, – Шахов достал из стола тяжелую папку и передал Левону. Тот кивнул, засунул каталог под мышку и поплелся в другую комнату.

Шахов замер, вытянув шею и прислушиваясь к звукам за

стеной. Шуршание страниц, хлопок – книга упала на пол, еще хлопок – на пол упал Левон.

Сергей Владимирович вздохнул, достал нашатырь с ватой из ящика стола и отправился приводить несчастного в чувство. Да, послеоперационные фотографии пациентов – это зрелище не для слабонервных: отеки, желто-фиолетовые синяки под глазами... Бедный, бедный Левон...

Приводить парня в чувство не пришлось, когда Шахов зашел в комнату, Левон уже сидел на полу и хлопал ресницами, на которых блестели слезы.

– Не хочу, – пожаловался он.

– В таком случае, у меня к тебе другое предложение. Я помогу тебе изменить внешность без всяких операций и исчезнуть на некоторое время из страны, но взамен ты должен будешь оказать мне одну услугу. Не знаю, правда, как ты к этому отнесешься...

– А что надо делать? – икнул Левон.

– Да, в общем-то, ничего особенного. Стать на время... женщиной.

ГЛАВА 4. УРОКИ МАСТЕРСТВА

Варламов, приподняв бровки, смотрел на молодого человека и молчал.

– Ну как? Похожа? – не утерпел Шахов, подтолкнув Левона поближе к режиссеру. Парень одернул свитер, пригладил волосы и чуть приподнял подбородок, замерев в позе статуи Зои Космодемьянской, что в деревне Петрищево. Иван Аркадьевич откашлялся, снял очки, протер и снова нацепил на нос.

– Он – не женщина, – тактично намекнул Варламов.

– Женщина, не женщина, – разозлился Шахов. – Какая, на фиг, разница? Подключите уже ваше хваленое креативное воображение! Смотрите внимательнее! Он – просто копия Сю! – Шахов схватил Левона за подбородок и повернул его влево, потом вправо, чтобы режиссер смог как следует рассмотреть его профиль.

– Действительно похож, только...

– Не занудничайте, – оборвал режиссера Шахов. – А ну, Левон, пройди! Покажи дяде-режиссеру, на что ты способен. – Так как Левон продолжал изображать монумент, Сергей отпихнул парня от себя, и тот неуклюже засеменил по комнате, неприлично вихляя бедрами.

– Кошмар, – заключил Варламов.

– Научим! – оптимистично заявил Сергей. – А по поводу

лица не волнуйтесь. В лице ведь что главное – нос! Остальное доведем до совершенства. Пара уколов в губы... Все рассосется потом! – успокоил он Левона, вознамерившегося хлопнуться в обморок. – Легкий татуаж, брови пощиплем, эпиляцию сделаем... – доктор скользнул по своему протезу взглядом и уточнил: – Везде. – Левон снова покачнулся, Сергей его придержал. – Ну, и химическую завивку, у Сю волосы выются, у него прямые, не крутить же ему космы на бигуди каждый день? Правда, Левон? Зачем нам трепанатор? Не нужен нам никакой трепанатор, обойдемся, – обратился он к парню, и тот обреченно кивнул. Загадочное слово действовало на Левона магическим образом. Женщиной горячему армянскому парню быть претило, о чем он заявил Шахову еще в клинике, но вступать в контакт с инструментом, которого в природе не существовало, пугало Леву гораздо больше.

Варламов молчал.

– Грудь сделать – тоже не проблема, – радостно продолжил уговоры Шахов. – У меня клинике отличные имплантаты...

– Нет! – закричал Левон, и крик его разнесся по дому эхом.

– В лифчик их вставим! – успокоил Сергей, похлопав Леву по плечу.

– В лифчик?.. – Левон беспомощно посмотрел на свою грудь, приложил к ней ладони, застонал и выругался по-ар-

мянски.

– Непрофессиональный актер! Мужик! Тьфу! – Иван Аркадьевич выругался по матери и скривил такую рожу, что Шахова тоже непроизвольно передернуло. – Никогда принципиально не снимал мужиков в роли баб, – пробурчал он. – Все гениальные фильмы на эту тему уже сняли, ловить здесь совершенно нечего.

– При чем тут фильмы? – Шахов закатил глаза к потолку. – Мы же не голливудскую комедию «В джазе только девушки!» снимаем! Нам клон Ксении Копыловой нужен, а не Дастин Хоффман!

– Дастин Хоффман снимался в фильме «Тутси», – влез в беседу Левон.

– Заткнись! – хором попросили мужчины. Левон обиженно засопел и потопал к окну.

– Видели! – оживился Шахов, невежливо тыча пальцем в сторону Левона. – Он даже ходит и двигается, как Сю, когда задницей не крутит. Рост, фигура, телосложение. Ну совершенно такая же клюшка, как и Копылова.

– Попрошу не оскорблять! – вякнул Лева, споткнувшись на ровном месте и размахивая руками для равновесия.

– Во! – поднял указательный палец Шахов. – Манеры – один в один. Да что я вас уговариваю! – махнул он рукой и уселся на диван рядом с Варламовым.

– Еще раз пройдишь, – попросил режиссер. Выглядел он все еще недовольным, но в глазах появился проблеск инте-

реса. Левон неуверенно вышел на середину гостиной и застыл. – Подобралась и пошла, – скомандовал режиссер.

– Тебе еще надо ноги во время ходьбы чуть кривить, – дополнил комментарии Варламова Сергей. – У Сю такие ноги, что... Боюсь, даже лыжный костюм положение не спасет.

– Ну, двигай ластами, – поторопил Варламов. Левон соорудил недовольную физиономию и поплыл в сторону выхода из комнаты.

– Опять задницей крутишь, как шалава! Подобралась, я сказал! – заорал Варламов.

– Ноги скриви, идиот! – завопил Шахов. – Криви ноги, я сказал!

Левон попытался сделать из ног колесо, прошел пару шагов, запутался и чуть не рухнул на пол. Похож он был при этом на пьяного орангутанга, а вовсе не на бизнес-леди.

– Подберись, зад не отклячивай! Пузо в себя!

– Ноги колесом сделай!

– Плечи опусти!

– Да не смотри ты на ноги, подбородок выше!

– Зачем губу отвесил? Все подбери! – Иван Аркадьевич не сдержался и запулил в Левона подушкой с дивана.

– Сами ходите! – завопил Левон, пнув подушку ногой в сторону Ивана Аркадьевича.

– Наконец-то! Садись, пять, – улыбнулся Варламов. – Запомни, женщина, которую ты будешь изображать, – это мужик в юбке, а не кисейная барышня. Она харизматичная

личность, у нее в подчинении тысячи человек, большинство – мужчины, и она всех их строит. А ты размазался соплей по паркету. Так дело не пойдет, чтобы изобразить достоверно эту женщину, тебе надо изнутри стать сильнее. Она только с виду неловкая, а внутри – кремень. Понял? – Левон коротко кивнул. – Ладно, завтра купим тебе бабские шмотки, обувь и аксессуары, так легче будет в образ вжиться. А сейчас, Левон, садись в кресло перед телевизором. Кино смотреть будешь, – распорядился Иван Аркадьевич и нажал на пульт. Шахов почему-то вздрогнул, глядя на экран. Вот, оказывается, чем Иван Аркадьевич занимался, пока Сергей пропал на работе: он пас Сю и снимал ее на видео. Надо заметить, что кадры вышли очень профессиональные. Сю выходит из дома, садится за руль машины, крупным планом видно ее лицо, мимика. Сю едет на работу, пакуется у своего офиса, выходит из машины, разговаривает с каким-то мужчиной на стоянке, судя по мимике, ругает его. Сю в магазине, примеряет обувь, прохаживается у зеркала, садится на пуф, вытянув ножку, разглядывает туфельку. Сю в кафе, задумчиво пьет кофе, курит дамскую трубку и пролистывает журнал. Снято через окно, сквозь приоткрытые жалюзи. Сю в офисе, сидит за столом, видно только ее профиль, на носу очки, она то грызет карандаш, то чешет им голову, то пометки какие-то делает. Кажется, он погорячился, притащив Левона домой. Такое неповторимое создание, как Сю, изобразить невозможно. Сергей посмотрел на парня, тот снова,

отвесив губу, пялился в экран, пожирая Ксюшу глазами.

— Мы и правда с ней очень похожи, — с удивлением отметил Левон. — Только она такая... Такая... необычная. Не, мне никогда не стать такой же, как она, — добавил он с сожалением.

— Придется, — жестко сказал Варламов.

— Мы тебе поможем, — мягко сказал Сергей, а сам подумал, что так и есть: такой, как Сю стать невозможно, как ни старайся, она уникальна.

Кассету с кадрами из жизни Сю прокрутили раз тридцать, Варламов дал отбой, но Левон так увлекся, что забрал у него пульт и упрямо гонял эпизоды, делал паузы, шевелил мускулатурой лица, пытаясь воссоздать мимику Копыловой, вставал и репетировал походку. Выглядело это со стороны ужасно. Иван Аркадьевич долго морщился, не выдержал и направился в кухню. Сергей потянулся следом, прикидывая, что сварганить на ужин из замороженных полуфабрикатов. В супермаркет по дороге с работы Шахов, конечно же, забыл заехать, и ему даже стыдно стало перед гением кинематографа — заморил его голодом, болезного. Оказалось, Варламов сам позаботился о провианте. Когда Сергей вошел в кухню, Иван Аркадьевич деловито метал из холодильника на стол какие-то свертки. От аппетитных запахов у Шахова закружилась голова: окорок, буженинка, сыр, колбаска, рыбка по имени севрюжка, севрюжечка любимая, сосиски венские, сосиски баварские, хлеб, свежий, с хрустящей корочкой, масло

сливочное... Варламов грохнул в раковину кастрюльку, налил воды и поставил ее на огонь. Засуетился у разделочного стола, грамотно нарежая деликатесы и хлеб и раскладывая их на тарелки. Какой же славный, оказывается, он – режиссер, просто гений, подумал Шахов и сглотнул слюну.

– Жениться вам надо. Живете, как беспризорник, – с усмешкой сказал Иван Аркадьевич.

– Обойдусь как-нибудь без ваших советов, – буркнул Сергей. – В наше время жена вовсе не обязательна, достаточно иметь помощницу по хозяйству, она обходится дешевле.

– Что ж не заведете? – любопытствовал Варламов.

– Почему это? Есть у меня помощница, она просто в отпуске, – соврал Шахов, чтобы наглый Варламов от него отвязался. Не объяснять же ему, что у Сергея с некоторых пор аллергия на женщин, а на тружениц этой профессии – вдвойне. Катенька, первая его помощница, статная брюнетка с горячим взором, приехавшая когда-то покорять столицу из Молдовы, в дом к Сергею попала по рекомендации знакомых, которые уезжали за рубеж. За дело она взялась с азартом, холостяцкое жилище засияло чистотой и заблагоухало аппетитными ароматами домашней выпечки. Шахов балдел, наслаждаясь уютом, вкусными домашними обедами, выглаженными рубашками и хрустящим постельным бельем. Освоившись, Катенька вдруг переключилась на него, решив Сергея захомутать. Забавно было наблюдать, как она пытается пой-

мать его в ловушку. Наивная искусительница не предполагала, что все эти женские штучки он выучил уже наизусть и видит представительниц слабого пола насквозь. Катенька к тому же работала топорно, с каждым днем ее макияж становился ярче, укорачивалась длина юбки, углублялось декольте и взгляд приобретал призывную томность. Наблюдать за ее перевоплощениями можно было бы и дольше, если бы Катя не забыла о главном: оплетая его своей паутиной, она уже не утруждала себя снимать реальную паутину со стен. В общем, хорошей была Катя девочкой, но пришлось с ней расстаться.

Потом была Анна Вениаминовна, строгая, как училка французского, предмет, который Сергей в школе так и не одолел: оторопь брала от одного вида преподавательницы, и все выученные слова вылетали из головы. Анна Вениаминовна походила на училку не только по характеру, но и внешне: очкастая, худая, с балетной осанкой, лебединой шеей и аккуратным пучком – классический образец домработницы из хороших домов Лондона. На ее чопорность Сергей и повелся. После возмнившей о себе Катерины, донимавшей его своими приставаниями, Анна Владимировна казалась ему идеалом домработницы. Он решил, что такая мамзель исправно будет выполнять свои обязанности и не станет лезть к нему в койку. Так и вышло, охмурить его Анна Вениаминовна не пыталась, у нее, кажется, и органа такого, отвечающего за женское начало, не имелось. Все вы-

шло гораздо хуже: не успев смахнуть пыль и паутину с мебели, оставленную Катенькой на прощанье, она начала учить Сергея хорошим манерам и превратила его жизнь в кошмар. «Стакан следует ставить на подстаканник. Грязные носки не следует разбрасывать по квартире, тем более в гостиной. Я не слышала, чтобы вы вымыли руки после туалета, вымойте немедленно. Кухня предназначена для приготовления еды, принимать пищу следует в столовой», – ровным, убийственно-холодным голосом наставляла она несчастного Шахова. И он почему-то терпел! Анна Вениаминовна сумела каким-то немыслимым образом подчинить его своей власти, в ее присутствии он робел и безропотно выполнял все команды. С каждым днем Анна Вениаминовна все больше и больше насаждала на него со своими наставлениями, она повелевала надевать к ужину рубашку, а по утрам галстук, напоминала ненавязчиво, что всегда следует говорить «спасибо», «пожалуйста», «будьте добры», «приятного аппетита», «очень вкусно», «спокойной ночи» и «доброе утро». В одно такое доброе-предоброе утро, солнечное и благостное, когда в саду пели птички и жужжали пчелки, Сергей Владимирович снял со своей шеи галстук, надел его на лебединую шею Анны Вениаминовны и крепко затянул. Боже, как она визжала, не без удовольствия вспомнил Шахов и покосился на Варламова. Галстука у него при себе не было, но с каким наслаждением он сейчас придушил бы режиссера! У Ивана Аркадьевича была поразительная способность портить ему

настроение. Одно радовало, что режиссер решил поесть перед сном. Может, не будет шляться ночью по дому и мешать ему спать, с надеждой подумал Сергей.

Ужинали в кухне, за небольшим столом, без всяких церемоний, накрахмаленных скатерок и особой сервировки – с тех пор как Шахов простился с последней домработницей, он принципиально не желал есть в столовой. Варламов тоже не утруждался этикетом. Из гостиной подтянулся Левон, смотреть на него было неудобно, он, не переставая, гримасничал, репетируя роль, и Сергею приходилось себя постоянно одергивать, потому что он несколько раз поймал себя на том, что непроизвольно копирует рожи Левона. И у Варламова тот же рефлекс срабатывал. Если бы сейчас их снимали на пленку, то кадры получились бы феерические – трое дебилов за одним столом.

Сосисок Варламов не пожалел, все, что купил, сварил, и теперь они дымились в большом блюде на столе, посыпанные за каким-то хреном укропом. Эстет, блин, выругался Шахов. Укроп Сергей терпеть не мог, приходилось теперь тщательно счищать ножом ненавистную траву с каждой сосиски перед тем, как отправить ее в рот. Главное, сам Варламов к сосискам даже не притронулся! Режиссер гонял по тарелки помидорчик черри и ковырял вилкой кусок ветчины.

– А что вы так мало кушаете? Ешьте, Иван Аркадьевич, – обеспокоено подбадривал Сергей Варламова, подлец лишь

кивал и продолжал с маниакальной увлеченностью волтузить томат по тарелке. Левон, напротив, с аппетитом наворачивал одну сосиску за другой и трескал их с такой скоростью, что Шахов за ним не поспевал.

— Когда нервничаю, ем много, — поймав взгляд Сергея, объяснил Лева, и воткнул вилку в последнюю сосиску. Сосиска брызнула соком в физиономию Шахова. Сережа вытер лицо салфеткой и поспешно вылетел из-за стола, чтобы избежать искушения воткнуть нож в жадную руку Левона.

Спать Сергей отправился в подавленном состоянии: мало того, что сам толком не поел, накормить до отвала гадкого режиссера и уложить его баиньки не получилось, Варламов лишь перекусил, выпил крепкий кофе и уселся в гостиной смотреть телевизор. Левона он определил на втором этаже, в комнате для гостей, рядом со своей спальней. Варламов гостевал на первом, в комнатухе, которую Шахов предназначал для прислуги. Гостевые помещения Ивану Аркадьевичу не приглянулись.

В окно заглядывала полная луна. Полнолуние на мозги Шахова действовало не самым лучшим образом. В это время Сергей всегда чувствовал необъяснимую тревогу и в то же время душевный подъем. Он даже стихи пытался писать однажды, нелепые...

Скоро осень, Листья бросил Давно уж дворник подметать,
Они желтеют и опять Летят, С деревьев опадая. Листва се-

дая...

Это он сочинил, когда лень дорожки было мести, сидел в беседке с метлой, смотрел на луну и фигней страдал. Сегодня луна вновь пробивала его на стихоплетство. Рифмы какие-то дурацкие лезли в голову: »кровь – любовь – морковь«, но закрывать гардины было лень, так и смотрел он на желтый насмешливый диск, отражавшийся в зеркале шкафа. В памяти снова всплыла Сю, та далекая и недоступная Сю из прошлого, ее загадочные поцелуи со шкафом, разноцветные зайчики на ее лице во время дискотеки на выпускном балу, сладкий запах ее волос. Шахов уже пожалел, что ввязался в эту авантюру. Что он знал об этом мальчишке, который явился к нему в клинику, – ничего не знал, кроме имени. В нелепый рассказ о долгах он категорически не верил, но возврата назад не было, не мог он подвести Сю. Сергею хотелось вернуть Сю молодость. Конечно, он не волшебник, но сделает все возможное, чтобы продлить этому необыкновенному экзотическому цветку жизнь. Операцию он проведет перед Новым годом и бесплатно – это будет подарком Ксюше. Настроение улучшилось, на душе стало легко, и Сергей Владимирович не заметил, как провалился в глубокий сон. Проснулся он странного шороха: кто-то дергал ручку двери в его комнату. Сергей сел на постели – дверь распахнулась, и пороге возник Левон. Лицо его было отрешенным, глаза в серебристом свете луны казались стеклянными.

– Парень, ты, кажется, дверью слегка ошибся, – попытался пошутить Шахов. Выражение лица Левона не изменилось, он молча вошел в комнату и направился напрямик к кровати Сергея, в левой руке его что-то блеснуло.

– А что это у нас в руке, Левушка? – откашлялся Сергей Владимирович.

– Трепанатор, – прошептал Левон и поднял над головой столовый нож.

ГЛАВА 5. ПУСТЯЧНАЯ ССОРА

«Дураки какие-то», – ворчала про себя следователь Елена Петровна Зотова, разглядывая скромный интерьер квартиры, обставленной дешевой мебелишкой прошлого века. Квартира была запущенной: желтый потолок, подоконники облезлые, затертый паркет, засаленные выцветшие обои времен расцвета социализма, красные с золотыми завитушками (такие лет тридцать тому назад клеили). Вероятно, с тех пор ремонт и не делали, но ругалась Зотова вовсе не на безалаберных хозяев, которые первыми обнаружили тело потерпевшей и теперь пили валерьянку с валокордином в лилипутской кухне. Да, у нее самой примерно такая же разруха царит в квартире, и мебелишка похожая: кресла и диван, с деревянными подлокотниками и ножками, вошедшие снова в моду; горка с прессованным хрусталем и чайными сервизами. Купила когда-то в Минске. Сын давно предлагал ей ремонт сделать и мебель обновить, заманивал в любимую народом ИКЕЮ. Елена Петровна отказывалась, не любила она перемен, привыкла к своему жилищу, потолок побелить и подоконники покрасить – другое дело, чтобы живенько было. В ИКЕЮ сын в итоге ее затащил, но единственное, что Елене Петровне в магазине понравилось, – это тефтели с пюре и брусничном соусом. Ну не способна она оценить дизайнерские разработки шведов, лучше уж со своей затрапезной

стенкой жить, чем с безликим ширпотребом. Шило на мыло менять! Только кухня у Елены Петровны другая была – просторная, светлая, уютная, с яркими занавесками и ухватками в цветочек, с большим столом и часами с кукушкой. Там она и обреталась большую часть своей жизни. В этой квартире кухня глаз не радовала: кафель отвалился от стен в некоторых местах, линолеум на полу пузырился, из крана капала вода, круглый холодильник «Зил» рычал, как голодный тигр. Единственное достоинство – чисто. И эта чистота никак не вязалась с хозяевами. Удивительные люди, больше всего они переживали не из-за смерти другого человека, а из-за того, что теперь их могут за неуплату налогов под суд отдать, потому что квартиру они нелегально сдавали. Спасибо, что не стали факт убийства скрывать, тело дотащили до окна, чтобы вниз скинуть и избавиться от трупа, но в последний момент одумались и позвонили в милицию. В то, что одумались, – слабо верилось, скорее, испугались, что кто-нибудь увидит их черное дело, и тогда от ответа не уйти. Раскололись не сразу, сначала заявили, что понятия не имеют, как в их квартире оказалась эта женщина. Дескать, уезжали на дачу, приехали – труп. Упорно стояли на этой версии, пока добрые соседи их не заложили. Оказалось, квартиру они сдают уже три года, сначала сдавали азербайджанской семье, а месяца два тому назад семья съехала, и в квартире появилась новая жиличка. Кто такая и чем занимается, никто не знал. Загадочная дама появлялась на квартире два-три раза в

неделю. Соседи предположили, что дама замужем и квартиру сняла для интимных свиданий с любовником. Уж больно, по словам соседей, она свою внешность маскировала, словно боялась, что ее кто-нибудь узнает, зимой ходила в больших темных очках, как актриса, опускала голову, когда с кем-нибудь встречалась в подъезде, и никогда не здоровалась. Сами хозяева жили на приусадебной фазенде в Подмоскovie и приезжали на квартиру только за оплатой. Самое печальное, что владельцы квартиры понятия не имели, кто их жиличка! Мельком взглянули в паспорт, деньги взяли и вручили незнакомому человеку ключи. И вот результат! Лежит на полу в спальне возле окна. По их словам, девушка внушила им доверие. Зотова думала иначе: доверие им внушила сумма, которую им выдала жиличка, заплатила она сразу за два месяца вперед. Поразительная безалаберность! Навесили на них лишние заботы – теперь придется выяснять личность погибшей. Сумка на месте, кошелек и документов нет.

– Вспоминайте, как девушку звали? – рявкнула Елена Петровна, заглянув в кухню.

– Мария Иванова вроде, – неуверенно прогундосил хозяин, сухопарый усатый мужик лет шестидесяти с сальными волосами, в спортивном костюме и зимних кожаных сапогах. Хозяйка всхлипнула и закивала.

– Да, кажется, Иванова. Иванова она, – подтвердила женщина.

Она была похожа на мужа, как близнец, худая, жилистая,

спортивный костюм, сапоги, даже усики у нее имелись, только маленькие. Теория о том, что супруги, прожившие в браке много лет, часто так притираются, что становятся похожими друг на друга, в очередной раз подтвердилась. Какое счастье, что она замуж не вышла, подумала Елена Петровна, а то в ее квартире сейчас бы обитал некий субъект с бульдожьим выражением лица, морщиной на лбу, мешками под глазами и избыточным весом. Хватит с нее собственного отражения и ее тени – сына. К слову, на сына она и ругалась, и на невестку, а не на этих убогих людей. За годы службы еще и не с такими субъектами приходилось общаться, привыкла она к проявлениям людского скотства. Сын и невестка в эту минуту Зотову волновали гораздо больше. После семи лет совместной жизни у них в семье вдруг случился разлад. Павел вернулся в «гнездо», взял отгулы на работе, от еды отказывался, худел и просиживал штаны с утра до вечера за компьютером, играя в какие-то дурацкие стрелялки. Невестку Полиночку она любила, как дочь. Милая, обаятельная блондинка понравилась ей сразу, как только Павел привел ее в дом. И все было замечательно! Жили душа в душу – и вдруг разбежались. Что? Что могло произойти? Как ни пыталась Елена Петровна выяснить причину ссоры, так и не смогла. Павел не посчитал нужным ей все объяснить, Полина молчала, как партизан. Зотова переживала. Влезать в их семейные разборки Зотова не собиралась, но, если бы она знала причину, возможно, совет какой-нибудь смогла бы им дать.

– Дураки какие-то! – в очередной раз возмутилась Зотова, не заметив, что произнесла свою мысль вслух.

– Мммм, – сказал хозяин квартиры.

– Мы не хотели, – заныла хозяйка. – Мы испугались.

– Кошелек вы взяли? – спросила Елена Петровна, слегка сконфузившись, но извиняться не стала. Обойдутся! Всю картину происшествия нарушили. Следы затерли, сами на-топтали. Дураки какие-то! Слава богу, труп в окно не выкинули.

Хозяйка отрицательно замотала головой, так, что, казалось, она сейчас отвалится.

– Нам чужого не надо, – насупился хозяин, пряча от Зотовой маленькие глазки. Хозяйка, напротив, вылупилась на Елену Петровну, как на статую Давида. Врут, решила Елена Петровна.

– Сейчас сверим отпечатки на сумке, и если...

– Не брала я кошелек! Не брала! – завопила хозяйка. – Сумку трогала, а кошелек – нет.

– Зачем?

– Мы хотели от нее тоже избавиться, в окно ее выкинуть.

– В сумку лазили?

Хозяйка потупила глазки в пол, залилась краской и часто задышала.

– Отвечай, что взяла из сумки? – прикрикнула Елена Петровна.

– Косметичку. Но в сумку я не лазила. Она сама выпала,

когда я сумку на пол уронила. Косметичка открыта была, все по полу рассыпалось. Духи такие маленькие, помады, тушь, пудра, румяны, карандашики. Много всего. Я собрала все с пола и с зеркала. Там одна помада лежала. Ей все равно теперь это без надобности! А у меня сроду такой не было.

– Дубина! – похвалил жену супруг и замахнулся на нее кулаком, вознамерившись двинуть ей по пустой головушке.

– Сидеть! Привлеку! Обоих! – гаркнула Елена Петровна, мужик вздрогнул и спрятал руку в карман олимпийки. Женушка с перепугу чуть не сползла с табуретки на вздутый линолеум.

– Я все верну, – залепетала она. – У меня там это, в пальто. Принести?

– Вова! – крикнула Зотова в другую комнату. – В пальто хозяйки косметичка потерпевшей. Посмотри, может, что интересное внутри найдешь. Документы, может, там?

– Кошелек и документы, наверное, в куртке были, – сообщила хозяйка и, предугадывая вопрос Зотовой, добавила: – Мы куртку в окно выкинули. Из окна спальни, – уточнила женщина. – Блестящая такая куртка, из болоньи. Молодежная такая, очень модная.

Зотова отправила Трофимова во двор, зафиксировала показания в протоколе, вернулась в комнату и присела за стол, разглядывая книжные самодельные полки. Подборка фолиантов у нее была примерно такая же. А еще говорят, что человека можно узнать по книгам. Неверная теория. При со-

циализме книги у всех были примерно одинаковые. Батюшки, сколько она макулатуры за эти книжки в пункт приема перетаскала! На санках возила зимой, а Пашка плелся позади, в кроличьей шапке и валенках, и орал, роняя на цигейковый полушубок слезы. Не нравилось ему, что не он на санках едет, а гора газет и журналов. Успокоился только, когда ему в пункте приема выдали клубничную жвачку. Как время изменилось: макулатуру раньше собирали интеллигенты, сейчас – бомжи и нищие. В Союзе платили за кило 20 копеек, сейчас платят, кажется, 80. Сколько же надо перетаскать газет в приемные пункты, чтобы хоть что-то заработать? Елена Петровна остановила взгляд на газете, лежавшей на журнальном столике.

– Володь, рекламное объявление, которое карандашом обвели, сфотографировал? Могу я газету пролистнуть? – спросила она у криминалиста Владимира Рыжова, ткнув ручкой в газету.

– Йес, оф коз, Леночка Петровна, – ответил Владимир.

Леночкой Петровной следователя звали многие коллеги и, что показательно, – опера. Сыскари Зотову любили, потому что своей была в доску. Проработала опером на Петровке пятнадцать лет, но пришлось уйти, начались некоторые проблемы со здоровьем, тяжело стало по свидетелям бегать, да и несолидно это в ее возрасте. Но у Рыжова всегда получалось обзывать ее Леночкой Петровной как-то особенно ласково. Даже оперу Венечке Трофимову, местному Бреду Питту, ко-

торого она обожала и ценила за нестандартное мышление и общую эрудицию, это не удавалось. Впрочем, Венечка ее так называл редко, когда случайно с языка срывалось, а потом он дико смущался, потому что всегда хотел выглядеть холодным и неприступным. Но в глубине души Венечка был ранимым и мягким, и Зотова частенько над этой деланой серьезностью потешалась, любила потрепать Трофимова по кучерявым русым волосам и веселилась, глядя на его недовольную физиономию. Рыжов был полной противоположностью Трофимова, как внешне, так и по характеру: темноглазый брюнет, вертлявый, шепотливый дуракаваляльщик. Циничные шуточки спались из его уст, как горох из дырявого пакета, что вовсе не мешало ему состоять в браке, иметь двоих детей и быть профи в своем деле, особенно, если его подбадривали.

– Работай, Вова, работай, – по привычке сделала трудовой посыл Елена Петровна.

– Йес, оф коз, – по привычке ответил Владимир.

Рыжова Елена Петрова тоже любила, но иногда он ее раздражал своими выходками. Зачем, к примеру, первого апреля ее так кретински разыграл? Позвонил и сообщил, что песок, который он изъял как образец для исследования с одежды, волос и с подошвы обуви последней жертвы преступления, соответствует по своему составу песку пустыни Сахара. Следовательно, незадолго до смерти потерпевшая побывала в Африке, сделал вывод Вова и положил трубку, пообещав

прислать ей экспертное заключение в течение дня. У Зотовой от этого заявления реально мозги вспучило. Откуда в волосах и на одежде убитой песок из пустыни Сахара, если она – бомж и нашли ее тело в подвале одного из московских домов? Полдня Елена Петровна мучила извилины, пытаясь проанализировать полученную информацию, но ни одной логичной версии так выстроить и не удалось. Владимира она потом чуть не убила, когда выяснилось, что песок был из подмосковного карьера, который закупило домоуправление для детской песочницы во дворе. Там, приняв на грудь, бомжиха отдыхала незадолго до смерти, пока ее местные мамашки не прогнали. Полдня впустую! Предупреждала ведь, что с чувством юмора у нее плохо. К тому же, она не девочка уже, чтобы с ней такие шутки шутить. Сорок восемь лет скоро. Сорок восемь лет – поверить невозможно! Невозможно в это поверить! Елена Петровна мельком взглянула на свое отражение в стекле горки, поморщилась и взяла газету. С некоторых пор на свою физиономию она смотреть без содрогания не могла. Вроде никогда себя особо не любила и всегда поражалась, что женщины ради красоты и молодости готовы лечь на стол хирурга. В последнее время все изменилось. Она стала лучше этих женщин понимать, особенно с утра, когда из маленького зеркала над раковиной на нее таращилась незнакомое помятое и опухшее создание с мешками под глазами и морщиной на лбу. Потерпевшая, вероятно, тоже подумывала об этом. Клиника пластической хирургии док-

тора Шахова. Доктора Шахова... Где-то она уже слышала эту фамилию, вероятно, по телевизору рекламу пускали. Клиника доктора Шахова... Современные методы омоложения. Ринопластика, маммопластика, SMAS-лифтинг, эндоскопический лифтинг лица, флефаропластика, ментопластика...

– Ментопластика, – вслух прочитала Елена Петровна и хихикнула. – Прелесть какая!

– Все дружно записываемся к доктору Шахову на прием, пушай всем нам ментопластику делает, – влез Рыжов и заржал. Понятые, притихшие в уголочке, тоже издали некий звук, похожий на эмоцию радости. Лишь судмедэксперт, Сергей Павлович Веснин, остался невозмутимым.

– Это пластика подбородка, отсталые вы люди, – объяснил он лениво. – К слову, потерпевшая ее делала. Она вообще, похоже, со стола не слезала операционного. Совсем девки одурели, под скальпель лезут, вместо того, чтобы не жрать, что попало, и спортом заниматься, – пробурчал он.

– Ага, ты, Палыч, верно говоришь, не надо жрать, что попало, – радостно уточнил Рыжов и выразительно зыркнул на судмедика.

– Я не баба, – пафосно заявил Веснин и гордо унес свое пузо в спальню. Палыч стройностью фигуры не отличался и походил на Карлсона, круглого и добродушного. Хлопнула входная дверь.

– Нашел! – радостно проорал Трофимов из прихожей и ворвался в комнату, румяный от мороза. – Она на дереве по-

висла. Пришлось макаком поработать. Кошелек в кармане, а в нем водительские права и документы на тачку. Тачки во дворе нет. Похоже, она действительно шифровалась, поэтому парковалась где-нибудь в соседнем дворе. А теперь приготовьтесь не упасть, Елена Петровна. Наша Маша Иванова оказалась Мариной Ваниной. Чума какая! Просто чума!

– Ошиблись чуть-чуть хозяева, созвучная фамилия, – не разделила эмоций опера Елена Петровна.

– Да нет! Не о том я. На фото взгляните, – Вениамин сунул под нос следователю водительские права. – Плохо снято, но это она! Точно, она!

– О господи! Ну почему, почему это случилось со мной? – запричитала Зотова. – Лучше бы она была Машей Ивановой. Ванина – это же настоящая фамилия актрисы Марины Гольц!

– Ага, Марина Гольц – псевдоним, а Ванина – это ее настоящая фамилия. Палыч, где были твои глазырки, когда ты труп осматривал?

– А где ваши были глазырки, когда вы рядом крутились? – огрызнулся Палыч. – К слову, я не в курсе, кто такая Марина Гольц.

– Дикий ты человек, Палыч! Даже Леночка Петровна знает, – поддел ее Рыжов.

– Что значит – даже? – возмутилась Зотова. – Я очень даже смотрю сериалы! И реалити-шоу... с некоторых пор. И вообще, я люблю кино, всякое-разное!

– Особенно то, которое режиссер Варламов снимет? – подколот ее Трофимов.

– Все, довольно глупостями заниматься! Смерть – не самое приятное украшение, неудивительно, что актрису в убитой никто не признал, – перевела разговор на другую тему Елена Петровна, пытаясь скрыть смущение.

Гады какие, все-то они знают, все-то подмечают! Лучше бы улики понятельнее искали. Фильмы Варламова она любила, но ведь их связывала только дружба! Они даже спали в разных комнатах, когда Варламов оставался у нее на ночлег. Ну да, она его оставляла на ночь! Такого попробуй выстави. Варламов являлся к ней с чемоданом, нагло заявлял, что терпеть не может гостинцы, поэтому будет у нее жить, и требовал пельменей со сметаной, которые, как выяснилось позже, он ненавидит. Спал режиссер на диване, а с утра подавал ей завтрак и кофе в постель, как какой-то барыне. Невозможный, невозможный человек! Когда же наконец Пашка с Полиной помирятся? Дураки какие-то.

– Да, смерть – не самое лучшее украшение, тем более такая, – согласился Палыч. – Размазанная по лицу косметика – тоже.

– Да уж, красивая ведь баба! – Рыжов сокрушенно вздохнул.

– Была, – поправила криминалиста Елена Петровна и тоже сокрушенно вздохнула.

– Ей, оказывается, тридцать девять лет, – озадаченно ска-

зал Трофимов. В отличие от Рыжова красивые женщины его занимали мало, как и все прочие. Он являл собой образец женоненавистничества и женщин презирал как вид. Недуг этот он приобрел не с рождения, а в процессе жизненных обстоятельств. Обломала Веню сумасшедшая любовь, которая завершилась предательством подруги сердца. Простить подругу Трофимов так и не смог, мало того, вину за случившееся бывшая пассия разделила поровну со всеми представительницами слабого пола разом. – Хорошо тетка сохранилась, – пренебрежительно заметил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.